AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞIMALÎ · KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ · КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 35

mart — 1937 — март

№ 35

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

M. Ç. S.S.S.R. in yeni konistitusyonu ve Stalin'in tefsirleri 2

DOGUJ. Sovyet „millî siyaseti" nin hakikî vechesi 4

„Promete Cemiyeti"nin muhtırası . . . 7

BATIR-BEK K—AY. İmamat devrinde askerî levazimat imalı 8

Şimalî Kafkasya Halkıyatından: Hagurun hikâyesi 9

Uzak Şarktaki Edil-Urallılar 11

Б. БИЛАТТИ. Национальный централизм — залог успеха 12

КОСТА. О престиже власти . . . 17

М. Ч. „Лагери смерти в СССР" . . . 20

Обзор печати 26

Küçük haberler — Хроника 29

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Włodarzewska 26 m. 6a Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALİ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 35 МАРТ — 1937 — МАРТ № 35

NARTSANA'DA NARZAN HAMAMLARI
НАРЗАННЫЕ ВАННЫ В НАРЦАНА

M. Ç.

S. S. S. R. in yeni konistitusyonu ve Stalin'in tefsirleri

VIII-ci fevkalâde sovyetler kongrası 1936 nın 5 İlk kânun'unda yeni sovyet konistitusyonunun projesini tasdik etti. Bu işden evvel de kongranın açılış günü Stalin geniş bir maruzatta bulundu.

„Sovyet milleti atası„nın diger karışık çıkışlarından pek te farklı olmıyan bu maruzatın calibi dikkat olan yeri son kısmıdır. Bu kısımda Stalin, vaktile „ehalinin müzakeresine" bırakıldığı zaman proje metnine yapılan ilâve ve tashihlerden bahsetmektedir.

Stalin bu tashih ve ilâveleri gözden geçirirken çıkardığı neticeleri oldukca geniş surette tefsir etmektedir. Şayani dikkattır ki, gerek tashihler ve gerekse tefsirler başlıca olarak milletlerin karşılıklı münasebatlarına taalluk etmekte ve bu suretle „sosyalizm ülkesi„nde yani bolşevizm erkânının iddeasına göre millî mes'elenin çoktanberi tesviye edildiği bir yerde bu mes'elenin ne derece keskin olduğunu ve endişe doğurduğunu bir daha ortaya koymaktadır.

Stalinin izahları konistitusyon metninin „şüpheli" noktalarını bir nevi tefsirden ibaret olub, bize bir dereceye kadar konistitusyon ahkâmına karşı ehalinin haleti ruhiyesini de göstermektedir. Tashih ve ilâve sahiblerinin bütün şüphelerini Stalin, son zamanlarda S.S.S.R. dahilinde vatandaşlık hakkını kazanmış ve geçmiş günlerin marksist zihniyetini temamile kölgede bırakmış bulunan hâkim büyük devletçilik zihniyeti bakımından halletmektedir.

Meselâ, konistitusyon'un 1 ci maddesine yapılan dört tashih arasında „amele ve köylüler devleti „cümlesi yerine" S.S.S.R. hududları dahilinde yaşıyan bütün ırk ve milletlerin devleti" cümlesinin koyulmasını isteyen bir teklif vardır.

Buna Stalin şu sözlerle cevab vermektedir:

„Konistitusyon projesinin ikinci faslında, S.S.S R. in müsavi milletlerin hür ittihadindan ibaret olduğu söylenmiştir. Sovyet cemiyetinin millî terkibini degil de onun sınfî terkibini izah eden bu tarzi ifadeyi aceba konistitusyon'un birinci maddesinde tekrare hacet varmıdır? Tabiî yok. S.S.S.R. e dahil bulunan millet ve ırkların haklarına gelince, bu hususta konistitusyon projesinin ikinci, onuncu ve onbirinci fasıllarında bahis vardır. Bu fasıllardan görülüyorki, S.S.S.R. de milletler ve ırklar ülkenin iktisadî, siyasî, içtimaî ve kültürel hayat sahalarında ayni müsavî haklardan istifade etmektedirler".

Bütün bu parçada başından sonuna kadar Stalin açıkca tahrif yoluna girmiştir. Çünkü, onuncu ve onbirinci fasılların bu cihete taalluk eden maddeleri (madde 123 ve 135) ancak S.S.S.R. de ayrı vatandaşların „milliyet ve ırktan asılı olmıyarak" „müsavî" bulunduklarından hahs etmektedir. Bu da hiç şüphesiz millî yahud ırkî cemiyet haklarını tanımak keyfiyetinden çok uzaktır.

Projenin kongra tarafından olduğu gibi kabul edilen ikinci faslında dahi tekmil millet ve ırkların müsavi olduğundan değil S.S.S.R. in on bir „müsavi sovyet sosyalist cumhuriyetinin" „gönüllü olarak birleşmesi" neticesinde teşekkül ettiginden bahsedilmektedir. Konistitusyonun 13 ci maddesinde bu hususta şöyle denilmektedir:

„Sovyet Sosyalist cumhuriyetlerinin İttihadı, aşağıdaki müsavî haklı sovyet sosyalist cumhuriyetlerinin gönüllü olarak birleşmeleri esası üzerine kurulan müttehid bir devlettir. Bu cumhuriyetler de şunlardır:

Rusya Sovyet Federatif Sosyalist Cumhuriyeti, Ukrayna Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Belorus Sovyet Sosyalist Cumhuriyti Azerbaycan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Gürcüstan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Ermenistan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Türkmenistan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Özbek Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Tacikstan Sovet Sosyalist Cumhuriyeti, Kazağıstan Sovyet Sosyalist Cumhuriyeti, Kırgız Sovyet, Sosyalist Cumhuriyeti".

Bütün bu onbir „müttehid cumhuriyet„ten ancak bazısı ayrı millî bir cemiyetin ülkesi gibi telakki edilebilir, ekseriyeti ise keyfî olarak teşkil edilmiş idarî cüzü tamlardan ibarettirki, bunların teşekkülünde de millî hususiyetin çok nisbî bir rolu olmuştur. Stalinin izahında ise, bu idarî parçaların şüpheli olan „gönüllü birleşmeleri" müsavî haklı milletlerin hür ittihadı„na çevrilmektedir.

Gerek bu izahda ve gerekse konistitusyonun 13-ci maddesinde daha başka bir mana saklanmaktadır. Bunlar gösteriyorki, bolşevizm milletlerin müsavî hak prensipini esasen tanımıyor ve kendi millî siyasetinde milletleri „tam hukuklu" ve „gayri tam hukuklu" gibi bir tasnife tabi tutmak esasından hareket etmektedir. „Müsavî haklı sovyet sosyalist cumhuriyetlerinin gönüllü birleşmeleri„ni teşkil eden 11 „millet işte bu birinci zümreye yani „tamhukuklu„lara dahil bulunmaktadır. Diger milletler ise, anlaşılan „ikinci nevi" milletlere mensub bulunmaktadırlar. Stalin, bunlar için hatta „millî gruplar" ve „halklar" gibi husussî adlar bile vücude getirmiştir. Bahis mevzuumuz bulunan maruzasında Stalin diyorki: „Malum olduğu üzre, Sovyetler ittihadına takriben altmışa kadar millet, millî grup ve halkar dahil bulunmaktadır". Yani, diger tabirle, Sovyetler ittihadında 11 tamhukuklu „millet„ten başka elliye kadar „millî grup" ve „halklar" mevcud durki bunların da millî hakları konistitusyon ve Stalin'ce temamen meskût geçilmiştir. Dahası var: bütün bu bir sıra „millî gruplar" ve „halklar", Sovyetler İttihadına dahil bulunurken „milllet" derecesine yükselmek ümidinden de vaz geçmek mecburiyetindedirler. Stalin kendi maruzasında bu hakta dahi beyanatta bulunmaktadır. Maruzanın bu cihete taalluk eden kısmını, bolşevik elçapukluğunun dikkate deger bir örnegi olduğu için tam' olarak buraya nakletmegi lüzumlu görüyoruz. Stalin diyorki:

„Konistitusyon projesinin ikinci faslının yeni bir madde ile tekmilini isteyen bir teklif de vardır. Yeni teklife göre, muhtar sovyet sosyalist cumhuriyetleri iktisadî ve kültürel inkişaf suretile

icab eden seviyeye yükseldikten sonra müttehid sovyet sosyalist cumhuriyetlerine çevrile bilirler. Bu teklifi kabul etmek mümkünmü? Bana kalırsa kabul edilemez Bu teklif yalnız ifade ettigi mana itibarile degil, ileri sürdügü motiv itibarile de doğru degildir. Şu ve ya bu cumhuriyeti iktisadca ve kültürce geriligi yüzünden muhtar cumhuriyetler listesinde bırakmak doğru olmıyacağı gibi, muhtar cumhuriyetlerin dahi iktisadî ve kültürel rüşdü bulunca müttehid cumhuriyet derecesine yükselmesi doğru degildir. Böyle bir şeye teşebbüs, marks ve lenin görüşüne muhalif bir şey olurdu. Mesela Tatar cumhuriyeti muhtar bir cumhuriyet olarak kalıyor, Kazağıstan cumhuriyeti ise müttehid bir cumhuriyet oluyor. Bu, hiç te Kazagıstan cumhuriyetinin iktisadî ve kültürel inkişaf bakımından Tatar cumhuriyetinden yüksek bir mevkide olduğunu ifade etmez. Mes'ele temamen aksinedir. Ayni şeyi, mesela muhtar Edil boyu Alman cumhuriyetile müttehid kırgız cumhuriyeti hakkında da söylemek mümkündür. Bunlardan birincisi, iktisadî ve kültürel inkişaf itibarile ikinciye nisbeten çok ileride bulunmaktadır. Fakat buna ragmen muhtar bir cumhuriyet olarak kalmaktadır.

Muhtar cumhuriyetlerin müttehid cumhuriyet derecesine yükselmesi için ne gibi evsafın mevcud olması lazımdır?

Bu evsaf üçtür.

Evvelen, cumhuriyetin kenar yerde olması, her taraftan S.S S.R. hudutları ile muhat olmaması lazımdır. Neden? Çünkü, mademki, müttehid cumhuriyete S.S.S R. ittihadından çıkmak hakkı veriliyor, o zaman bu cumhuriyet müttehid cumhuriyet haline geldikten sonra S.S.S.R. den ayrılmak mes'elesini vazetmek için mantıkî ve filî bir imkâna malik olmalıdır. Bu mes'eleyi de ancak her hangi bir ecnebi devletle hemhudud olan ve her taraftan S S.S.R. hududile muhat olmıyan bir cumhuriyet vazedebilir. Tabiî, bizde filen S.S.S.R. den ayrılmak mes'elesini vazeden bir cumhuriyet yoktur. Fakat, madamki, müttehid cumhuriyetin S.S.S R. den ayrılmak hakkı tanınmıştır, işi öyle yapmalıki bu hak boş ve manasız bir kağıd parçasına çevrilmiş olmasın. Mesela, Başkır yahud Tatar cumhuriyetini ele alalım. Farz edelimki bu muhtar cumhuriyetler müttehid cumhuriyet derecesine çıkarılmıştır. Bu vaziyette onlar mantıkan ve filen S.S S.R. den ayrılmak meselesini ileri süre bilirlermi? Hayır süremezlerdi Neden? Çünkü onlar her taraftan sovyet cumhuriyet ve eyaletlerile muhat olub esasen S.S.S R. den hiç bir yere ayrılmak imkânında degillerdir. Buna göre dirki bu kabil cumhuriyetlerin müttehid cumhuriyet haline gelmeleri dogru bir şey olamaz.

Saniyen, sovyet cumhuriyetine kendi adını veren milletin cumhuriyet dahilinde az çok yekpare bir ekseriyet halinde olması zaruridir. Mesela, kırım muhtar cumhuriyetini ele alalım. Bu kenar bir cumhuriyettir, fakat kırım tatarları bu cumhuriyette ekseriyeti teşkil etmiyorlar, bilakis azlıktadırlar. Binaenaleyh Kırım cumhuriyetini müttehid cumhuriyet derecesine yükseltmek mantıken dogru olamazdı.

Salisen, cumhuriyetin ehalisinin mıktarı itibarile çok küçük olmaması lazımdır; mesela diyelim ehalisinin sayı bir milyondan az degil çok olmalıdır. Neden? Çünkü, az mıktarda ehalisi ve ehemmiyetsiz derecede bir ordusu olan küçük bir sovyet cumhuriyetinin müstakıl bir devlet hayatı yaşayacagına ihtimal vermek imkânsızdır. Bu kabil bir cumhuriyetin emperyalist gasibler eline geçecegine şüphe etmemelidir.

Bence, bu üç objektiv evsaf olmadan bulunduğumuz bu tarihî anda şu ve ya bu muhtar cumhuriyetin müttehid cumhuriyet haline getirilmesini ileri sürmek doğru degildir."

Bu suretle, Stalin'in izah ve tefsirinden anlaşılıyorki, degil yalnız „millî gruplar" ve „halklar" mümtaz „milletler" grupuna yükselmek ümidinden mahrum edilmiş. hatta „milletler" de „rütbelerini" kayb etmek tehdidi altında bırakılmıştır. Şöyleki, mesala her hangi bir komşu devletin „gönüllü olarak sovyet sosyalist cumhuriyeti birligine dahil olması „neticesinde bu „milletler" „her hangi bir ecnebi devletle hemhudud olmaktan „çıkarak" her taraftan S.S.S.R. hududu ile muhat bulunursa", „müttehid cumhuriyet" olmak sıfatını kayb etmiş olacak ve bu takdirde onların şimdi bile şüpheli olan hakları, Stalin tarafından „millî gruplar" ve „halklar" diye anılan milletlerin hakkında olduğu gibi, „boş ve manasız bir kâgıd" parçasından" ibaret olacaktır.

Stalin, konistitusyonun ancak(!) „müttehid cumhuriyetlere„ verilmiş olan S.S S R. den çıkmak hakkına aid olan 17-ci maddesini dahi hakim büyük devletçilik menafii bakımından izah etmektedir. Stalin diyorki:

> „Bundan sonra konistitusyon projesinin 17-ci maddesine yapılan tashih geliyor. Bu tashih, cumhuriyetlere S.S.S.R. den serbest surette ayrılmak hakkını bahş eden 17-ci maddenin konistitusyon projesinden temamen çıkarılmasını teklif etmektedir. Bence, bu teklif esassız olduğu için kongra tarafından kabul edilmemelidir. S S.S.R. müsavî haklı müttehid cumhuriyetlerin gönüllü ittihadıdır. Konistitusyon'dan S.S.S.R. den serbest olarak çıkmak hakkını kaldırmak demek, bu İttihadın gönüllülük evsafını bozmak demektir. Böyle bir şeyi yapa bilirmiyiz? Bana kalırsa biz böyle bir şeyi yapamayız ve yapmamalıyız. Diyorlarki, S S S.R. den çıkmak isteyen hiç bir cumhuriyet yoktur, binaenaleyh, 17-ci maddenin pratik hiç bir ehemmiyeti yoktur. S.S.S.R den çıkmak arzusunda olan bir cumhuriyetimiz olmadığı tabiî dogrudur. Fakat bundan konistitusyon'da müttehid cumhuriyetlerin S.S.S.R den serbest olarak çıkmak haklarına yer vermemek lazımdır neticesi çıkmamalıdır. S S S R. de diger bir müttehid cumhuriyeti tazyik etmek isteyen bir cumhuriyet dahi mevcud degildir. Binaenaleyh bundan da müttehid cumhuriyetlerin müsavî hakka malik olduklarına aid maddenin S.S.S.R. konistitusyon'undan çıkarılması neticesi çıkarılamaz".

„Müttehid cumhuriyetler"in S.S.S.R. den çıkmak

Sovyet „millî siyaseti" nin hakikî vechesi

Bolşeviklerin aldatıcı propagandaları meyanında, hiç şüphesiz maruf „Lenin-Stalin millî siyaseti" ilk yerlerden birini işgal ediyor. Bu siyasetin demagojik şiarları, koloni ülkeleri halkları arasında bugün bile sovyettaraftarlığının kuvvetli bir kaynağını teşkil etmektedir.

Bu böyle olmakla beraber, sovyet „millî siyaseti" nin asil vechesi, resmî bolşevik beyanatlarındaki gül pembe tasvirlere benzemekten çok uzaktır.

Bu ciheti, sovyet esaretinde bulunan Şimalî Kafkasya hayatından alınmış bir çok muşahhas vak'alerle isbat etmek imkânındayız. Meselâ, yerlileştirme denilen mes'eleyi gözden geçirelim.

Sovyet jargonunda yerlileştirme tabiri Sovyetler İttihadına dahil bulunan bir çok rustan olmıyan ülkelerin muhtelif müesseselerini zahiren ruslaştırmamağı ifade etmektedir. Bu da kendi tatbik sahasini, sovyet müesseselerinde tahriratı yerli dilde yapmak hükûmet dairelerine ve sanayi müesseselerine başlıca olarak yerli ehaliden adam almak ve mekteblerde tedrisati yerli dilde yapmak gibi işlerde bulmaktadır.

Şimalî Kafkasya'da tam yerlileştirmek işini sona erdirmek için defalarca muayyen müddet tesbit edilmişse de, şimdiye kadar bu iş yedi „muhtar" cumhuriyet ve eyaletlerden birinde olsun tahakkuk ettirilmemiştir. Şimalî Kafkasya'da yerlileştirme işile bizzat İttihad İcra Komitesi dahi bir kaç defa meşgul olmuş ve bu hususta husussî kararlar almıştır. Meselâ Komite, 10 Mayıs 1931, 10 Şubat 1932, 5 Temmuz 1934 ve nihayet 7 Son Kânun 1936 tarihli kararlarında „yerlileştirme işinin süratle yapılmasını" ve bu sahada yapılacak şu ve ya bu işin itmami için muayyen müddet tayin edilmesini „sıkı surette" tenbih etmiştir. İcra Komitesinin kararları mahellerde bermutad geniş akisler uyatarak „kendi kendini tenkid" devrinin başlamasına, yerli „milliyetçilerin" kendi hoşnudsuzluklarını açıkca söyleyerek, ruslaştırma vakalerini ortaya koymalarına vesile oluyor ve .. iş bununla bitiyordu. Bu kabil yalanci-seferin tevlid ettigi tek bir netice, sovyet gazeteleri okuyucularinin neşredilen materyallara dayanarak, millî siyaset sahasındaki „muvaffakıyetler" in asil mahiyeti hakkında bir fikir edine bilmeleri idi.

Zaman itibarile en taze materyal, İcra Komitesinin 7 Son Kânun 1936 tarihli kararından sonra matbuata geçen materyallardır. Cesaretle denile bilirki bu materyallar bugün bile kıymetini kaybetmemiştir. Bu materyalların karaladığı ve gösterdiği vaziyet, İcra Komitesinin bundan evvel (1931, 1932 ve senelerinde) ve yerli fırka komitelerinin (şimalî kafkasya) hemen hemen Şimalî Kafkasya'nın istilâsından itibaren her sene verdigi kararlardan sonra olduğu gibi katiyen degişmiş degildir.

Bu materyallar sovyet mekteblerinin vaziyetine çok yer ayırmıştır. Bu da gösteriyorki, millî eyaletlerde mekteb işi mes'elesi en aktuel ve en yaralı bir mes'ele olmaktan çıkmamıştır. Bu materyallardan öğreniyoruz ki, ülkemizdeki mektebler değil yalnız kendi dahili ruhi, hatta haricî şekli itibarile dahi eskide olduğu gibi gene de birer ruslaştırma kal'esi olarak kalmaktadır. Meselâ, 18.II.1936 tarihli „Proletariy Osetii" gazetesi bakınız ne yazıyor:

„Talebesinin yüzde 90-ı osetin, muallimlerinden de ancak ikisi rus olan Osetin Pedagoji İnistitusunda tedrisat rus dilinde yapılmaktadır. Edebiyat fakûltesinde ancak stilistika, gramer ve osetin dili tarihi dersleri osetince okutulmaktadır.

Osetin talebeden çoğu ana dili imlâsını ruscadan daha zayif biliyorlardır. Edebiyat fakûltesi istisna edilirse inistitunun bütün şubelerinde osetin grameri tedrisatına ehemmiyet verilmiyor. Ana dili için, rus dili hesabına bir kaç fazla ders saatı almak lazım geliyor (anlaşılan bu satırları yazan Pavlenko buna teessüf ediyor—D).

Stabil ders kitablarının (yani bolşevik sansurunun bütün mekamlarından geçmiş ve her türlü „millî egintiçilikten" uzak, „emniyetli" olarak tanınmış ders kitabları—D.) yokluğu, osetin dili tedrisatına engel olmaktadır. İnistitu profesorlarında icab eden dersliklerin elyazıları varsa da, osetin millî neşriyat idaresi bunları tabetmekten imtina ediyor (bu imtinaa iki sebeb tahmin edilebilir: ya osetin millî neşriyatında oturanlar „burjua milliyetciler" dir, millî neşriyatlarını „stabil ders kitabları" ile zenginleştirmek istemiyorlar, yahud da aksine, millî neşriyat idaresi „şayanı itimaddır" da tab'i arzu edilen el yazıları „itimada şayan" degildir—D)".

Daha sonra şu dikkata şayan satırlar geliyor:

„Ana dili derslerine en fazla engel olan şey kursların karışık olmasıdır. Her kursda osetin dilini bilmiyen iki—üç rus talebe vardır.

Profesor Albarof diyor ki: umûmî lisaniyat derslerimi onların ana dilinde muvaffakiyetle okuta bilirim, lâkin bunu yaparsam o zaman beni her kursda muhakkak (!) mevcud olan bir kaç rus anlamıyacaktır."

Osentinlere tahsis edilmiş bir mektebin her kursunda „bir kaç rus" un muhakkak iştirakile güdülen maksad aydındır. Rus talebeleri kendi osetin arkadaşlarının atvar ve harekâtını takib etmeli ve gizli millî faaliyet sahasında yapılan her türlü teşebbüsü ifşa etmelidirler. Bunun böyle olduğuna şüphe yok, çünkü Terek-Kala'da sırf ruslara mahsus olmak üzre (rus muallimlerile) bir pedagoji inistitutu vardır ve muharririn kayd ettiğine göre:

„Şim. Oset. pedagoji enistitusunda rus tale-

---

hakkından („S.S.S.R. den çıkmak isteyen hiç bir cum huriyetimiz yoktur") istifade etmek imkânlarını evelceden ortadan kaldıran bu izah, „stalin" konistitusyonunun boş „kâgıd" evsafını taşıdığına kuvvetli bir delil olsa gerek. Konistitusyon, başından sonuna kadar, kremlindekilerin esir milletleri aldatmak için ortaya çıkardıkları „boş ve manasız bir kâgıddan" başka bir şey degildir.

beleri bütün osetin ilimlerinden (osetin dili tarihi, osetin grameri v. s.) muaf olub onlardan son derece ehemmiyetsiz bir şey taleb olunuyor. Bunun içindir ki, inistituttan mezun olduktan sonra kendi sahalarının tam bir mutahassısı olamıyorlar".

Rus „gözcüleri" Şimalî Kafkasya'nın yerli ehalisine tahsis edilmiş diger mekteblerinde dahi yok degildir. 28.III.1936 tarihli „Şim. Kafk. bolşeviki" gazetesinde şunları okuyoruz:

„Sulimof sovyet—fırka mektebi kolhoz ve aullar için kadrolar hazırlamaktadır. Bu kadroların nasıl hazırlandığına bakılacak olursa, derhal bu hazırlığın hükûmetin millî siyaseti tatbik husussundaki kararlarına muhalif olduğuna hükmedilir.

130 talebeden 100 den fazlası yerlidir. Bununla beraber hemen bütün dersler rus dilinde tedris ediliyor. Beş günün ancak 6 saatını talebeler ana diline tahsis ediyorlar. Ana dili tedris edecek bir tane bile muallim yoktur".

Casusluk maksadile kasden yerleştirilen ruslar, her tarafta mevcud olub ekseriyetle sayca da fazlalık göstermektedirler. Mesela, Şimalî Kafkasya renkli madenler inistitusunda 567 kişiden 73-ü şimalî kafkasyalı, Dağlı ziraat inistitunda 724 talebeden 144-ü şimalî kafkasyalı, Şim. Kafkasya pedagoji inistitusunda 520 kişiden 80-i şimalî kafkasyalı, Şim. Kafkasya zooteknik inistitusunda 783 kişiden ancak 3-ü (üçü!) şimalî kafkasyalı, Karaçay tıb teknikumunda 480 kişiden 10-u yerli Kabarda Balkar pedagoji inititusunda 210 talebeden 146-sı şimalî kafkasyalıdır. Yüksek mekteblere olan bu rus akını yüzünden Şimalî Kafkasya mekteblerinde tahsil elmek imkânından mahrum kalan binlerce Şim. Kafkasyalı talebe tahsil için Leningrad, Moskva v. s. gibi uzak rus, şehirlerine gitmek mecburiyetinde kalıyorlar. Malum olduğu üzre yüksek mekteblerde tahsil mes'elesi ve yerlerin taksimi ile fırka komiteleri meşgul olmaktadır. Böyle olunca, denile bilirki talebelerimize vatanda degilde iç Rusya da tahsil yeri ayrılması muayyen bir plan üzerine ve düşünülmiş bir siyaset neticesinde yapılıyor. Bu siyaset bize çar hükûmetinin siyasetini hatırlatmaktadır. Çünkü o da „ecnebiler„ in yüksek tahsili merkezî Rusya şehirlerinde almalarını mecburî adediyor ve „kenar" ülkelerde yüksek mekteb açmağı luzumlu bilmiyordu.

Kâğıd üzerinde „yerlileştirilmiş" olan ve ilk mektebler için muallim yetiştiren mekteblerde, rusların iştiraki bilhassa zararli neticeler vermektedir. Aralarında yerli dili bilmeyen talebelerin mevcudiyeti hasebile ilimleri rus dilinde tahsil eden millî mekteblerin müstakbel muallimleri, mektebden icab eden hazırlığı görmeden çıkıyor ve neticede resmen ana dilde tedrisat yapan ilk mekteblerde muallim olunca vazifelerini geregi gibi yapmaktan aciz bir vaziyette kalıyorlar. Bu yüzden de millî vilayetlerdeki ilk mektebler oldukca aşağı, hatta ideal bir seviyede olmaktan çok uzak bulunan rusca tedrisat yapan mekteblerden de daha aşaği bir seviyeye iniyorlar. 20.II.1936 tarihli „Şim. Kafk. bolşeviki" nde şunları okuyoruz:

„Ülkemizin millî mekteblerinde ana dili tedrisinin vaziyeti daha berbad bir şekildedir. 4 ci sınıf çocukları okuduklarını heceleyerek okuyor ve her kelimeden sonra lüzumsuz „teneffüs" ve fasila yapıyorlar.

Millî mekteblerdeki çocukların yazılarında mevcud hata rus mekteblerindekinden 2—3 defa fazladır."

Daha sonra:

„Ana dili tedrisinin memnuniyetbahş şekilde olmayışı, bizzat muallimlerin hazırlıksız olduklarından ileri gelmektedir."

Gene ayni yazıda deniliyorki:

„İstilah tesbit edilmediginden ve luğat işile zayif ugraşıldığından çocuklar konuşurken manası iyice bellenmemiş kelime ve tabirler kullanıyor, ekseriyetle manasını anlamadan kelimeleri yerinde kullanmıyorlar."

Bu vaziyetin sebebini, sovyet ruslaştırma siyasetini güdenlerinin „istilah" sahasındaki faaliyetlerinde ve onların rustan olmıyan milletlerin luğatlarını rus dilinden alınma ve sovyet damğasını taşıyan istilahlarla doldurmalarında aramak lâzımdır. Belli bir şeydirki, rus dilini bilmeyen ve anlaşılmıyan „sovyet kelimelerini" öğrenmege mecbur tutulan çocukların konuşma dili manace benimsenmemiş tabir ve kelimelerle dolu olacaktır.

İşte, Şim. Kafkasya'da sovyet „millî" mektebinin iç yüzü budur. Görüldüğu vechile, bu mektebler ruslaştırma işini tatbike yarıyan birer müessese haline getirilmiştir. Bu mekteblerin faaliyetine esas olan zihniyet, hatta „muhteviyatca sosyalist, şekilce millî kültür" prensipile bile bir ahenk teşkil etmiyor, açıkca ruslaştırma yoluna saparak, gerek münderice ve gerekse şekilce rus kültürünü kökleştirmek istiyor.

Sovyet hükûmetinin, sovyet müesseselerini „yerlileştirmek" işini nasıl tahakkuk ettirdiği mes'elesi dahi dikkata şayandır.

Geçen yılın bidayetine kadar ehalisinın yüzde 70 nisbeti yerli—şimalî kafkasyalı olan „Şimalî Kafkasya ülkesi" nde ülke müesseseleri yüzde 3 nisbetinde yerlileştirilmiş bulunuyordu. Ayni tarihe kadar Kabardin-Balkar müesseselerinde yuzde 33, Çeçen-İnguşistan müesseselerinde yüzde 15, Şimalî Osetiya'da yüzde 37, Çerkesistan'da (muhtar Çerk. eyaleti) yüzde 33 nisbet yerli ehali vardı. Şunu da ilave etmek lâzımdırki, „yerlilerin" çoğu köysovyeti v. s. gibi asağı müesseselerde ülke müesseselerinde ise adi tekniki vazifelerde çalıştırılıyorlardı.

Bu, hiç şüphesiz, Şimalî Kafkasya'da „yerliler" arasında bütün mevkilerde yer alabilecek bir kadronun mevcud olmaması demek degildir. Şımalî Kafkasya ülke icra komitesinin geçen yılın Mart ayında vuku bulan IV-ci plenum toplantısında icra komitesi reisi Pivovarof, toplantıya iştirak eden „yerliler„den ülke müesseselerine millî eyaletlerin derhal 1600 kişi verecek vaziyette olub olmadıklarını*) sorunca hepsi müttefiken „verebiliriz" cevabını vermişlerdi. („Groz. Raboçi" — 14.III.1936). Karaçay icra komitesi reisi

*) Plenum toplantısı sıralarında „ülke„nin 35 müessesesinde 78 şimalî kafkasyalı vardı: („ülke„de ise 5000 den fazla memur vardır).

Kurdjiyef dahi plenumda ayni ruhta beyanatta bulunmuş ve demişti ki:

„Çeçenistan, İnguşistan, Karaçay ve Balkariya, müesseselerini ana diline geçirmek hususunda kâfi derecede hazırlığa maliktirler (yani, yerli dili bilmeyen rus memurlarının yerine „yerli" memurlar vermege—D). Yol. Pivovarof'un kendi maruzatında gösterdiği müddetler, bilhassa Karaçay için kabili tatbik ve müsaiddir". (Şim. Kaf. b."—9-III-2936).

Dağıstan, Kabarda ve Şim. Osetiya'nın bu işe hazır olduğu ise kongrada bizzat Pivovarof tarafından beyan edilmişti.

Yukarıda Pivovarof'un sualına verilen „verebiliriz!" cevabından başka Çeçen—İnguşistan içra komitesi reisi Gorçhanof'un ayni konğrada söylemiş olduğu aşağıki sözleri dahi „yerlilerin" haleti ruhiyesini iyice göstermektedir. Gorçhanof diyorki:

„Bâzi yoldaşlar, ülke icra komitesini ne zaman yerlileştireceğiz, diye soruyorlar. Hepiniz anlamalısınız ki, mes'elenin bu şekilde vaz'i doğru degildir. Mes'ele, ülke müesseselerine yerli—işcileri celb etmekten ibarettir. Çünkü, bu yerliler millî eyaletleri iyi bildikleri için fırkanın millî siyasetini tatbik işinde yardım edebilirler.

Böyle bir sual dahi soruluyor: Orconikidze şehri ne zaman yerliseştirilecektir? Cevab veriyorsunuz hiç bir zaman. Buna karşı da bazıları mırıldanıyor ve şöyle diyorlar: niçin çarpıştık?**) („Groz. Rab." 14-III-1936).

Yerlileştirmek işini tatbik etmek için kadro vere bilirmisiniz? diye sorulunca „verebiliriz" cevabı veriliyor, en müsaid hallerde bile yerlileştirme muayyen bir hududa kadar mümkündür denilince de „niçin çarpıştık" sesleri yükseliyor. Bu iki ses, şimalî kafkasya halkının maruf yerlileştirme metoduna olduğu gibi alelumum sovyet millî siyasetine karşı olan vaziyetlerini oldukca aydın bir şekilde karakterize etmektedir.

Bütün vak'aler, yerli şimalî kafkasya ehalisi arasında mutahassis kadronun kâfi derecede mevcud olduğunu göstermektedir. Şimalî Kafkasya müesseselerine yapılan rus akını ise, kâğıd üzerinde yerlileştirme işine ehemmiyet verüb onu genişleten, hakıkatta ise her adımda bu işe mani olan merkezî sevyet hükûmetinin sui niyeti ile izah edilebilir. Yukarıda bahsettigimiz Gorçhanof'un (asıl şimalî kafkasyalı — çeçen) çıkışında bu vaziyete karakteristik bir işaret vardır. O, açık olarak gösteriyorki bütün kabahat „hakim devletçilik haleti ruhiyesindedir".

Ona göre:

„Tahriratı ana diline geçirmek oldukca mürekkeb, zor ve mes'uliyetli bir iştir.

Derhal sebebini izaha geçerek diyorki:

„Mesela hâkim devletçi ik haleti ruhiyesini ele alınız. Devlet bankasına bir kaç çeçeni çalıştırmasını teklif edince şöyle bir cevab aldık:

„Biz ittihad işlerile meşgul oluyoruz, yerlilerden adam almağa hakkımız yoktur".

Kısa ve aydın. Devlet bankası idare heyeti, bu kısa cevabile, bolşevik „millî siyaseti"nin mahiyetini temamile ifade etmiştir. „İttidad işlerile" (oku: rus emperyalizminin pozisyonunu kuvvetlendirmek işile) meşgul olunan bir yerde „yerlilere" yer yoktur. Bunun içindir ki, mesela Şimalî Kafkasya'da „İttihad işlerile" en yakın olan eyalet müesseselerinde (eyalet icra komiteleri de dahil) yerlileştirme nisbeti 3 iken (Mesela icra komitesi reisi Çerkesof'un söyledigine göre Kabarda-Balkar eyalet icra komitesinde „yerliler" ancak yüzde üç nisbetindedir) aşagı idarî müesseselerde bu nisbet 98 i (hiç bir zaman 100-ü değil, çünku rus „gözçüleri" her herde olmalıdır) bulmaktadır. Ve gene bunun içindirki, millî eyaletlerin kolhozcuları arasında, Gorçhanof'un IV-ci plenumdaki sözlerine göre, siz sık sık orta tahsilli adamlara rastlıya bilirsıniz". İşte bunlar, tahsillerini devam ettirmek için ve hazırlıklıklarına muvafık bir iş bulmak için sovyet hükûmetinin imkân vermediği işsiz şimalî kafkasya münevverlerinin mümessilleridirler. Tahsilsiz rus memurları Şimalî Kafkasya müesseselerini doldururken, orta tahsilli şimalî kafkasya gençligi evlerde oturuyor ve ziraatle uğraşıyor.

Mıntaka ve eyalet müesseseleri memurları arasında rusların çoğluk—merkezî hükûmet tarafından himaye edilen süni bir çokluk—teşkil etmeleri vak'asi, bütün „yerlileştirme„ işinin, hatta tahriratı ana dilinde olan bazı aşağı müesseselerde bile, boş bir laftan ibaret olduğunu açıkca göstermektedir. Çünkü, bu kabil aşağı müesseseler, yerli dil ile âşına olmıyan mıntaka ve eyalet müesseselerile munasebat imkânından mahrum olmamak için yeniden rusca tahrirata geçmek mecburiyetinde kalıyorlar.

Şimalî Osetiya'da Zaramag aul sovyet reisi P. Hatagurof nam birisi bakınız vaziyeti nasıl anlatıyor:

„Hepimiz osetince yazıyor ve okuyoruz. Tahriratı ana dilinde yapıyoruz ve kadro hususunda hiç bir eksigimiz yoktur. Fakat şuna işaret etmek mecburiyetindeyim: eyalete gönderilecek evrağı bazen osetince, bazen de rusca yazıyoruz. Mühim ve müstacel evrağı ise hep rusca yazıyoruz. Rusca yazılmış evrağın eyalet icra komitesinde daha çabuk akisler uyandırdığının farkına vardıgımız epeyi zaman oldu". („S. K. b." 4-III-1936).

Yani ruslaşmış eyalet icra komitesi, ancak rusca yazılmış olan ihtiyacları tatmin ediyor. Osetince—eyaletin devlet dilince—yazılan evrak „eyalet icra komitesinde hiç bir akis uyandırmıyor". Bu metod, hakıkî maksadı maskeleme metodu, görüldüğü vechile, çarlık tarafından tatbik edilen alenî ve mecburî ruslaştırma metodundan pek te farklı değildir.

Sovyet „millî siyaseti„nin her sahasında, her cephesinde hep bu vaziyet hâkimdir. Beyanatlar bir şey söylüyor, hakıkatte ise biz başka bir şeyle, yani eski hakim devletçilik metotları, „ecnebileri" ruslaştırmak, eritmek gayretile karşılaşıyoruz.

**) Seyrekleştirme her yerde bizimdir—D.

„Promete Cemiyeti"nin muhtırası

„Promete Cemiyeti" namına İkinci Kânunun 20-nde Milletler Cimiyetine verilerek mezmunu cihan matbuatının muhtelif organları tarafından geniş surette naklolunan muhtırayı aynen aşağıya dercediyoruz:

„Milletler Cemiyetinin sıradaki içtimai konuşma tertibi arasında Avrupa barışını alakadar eden İspanyadaki iç harbi mes'elesi vardır.

İnkâr edilemez vasikalar ve fotografla alınmış vak'alerle Sovyetlerin bu muharebede faal bir âmil ve muharib taraf olduğu sabittir. Sovyet hükûmeti bu iç harbine kendi zabitleri, askeleri, topları, tankları, metralyozları, tayyare ve mühimmatlarile iştirak etmektedir.

Azerbaycan, Don, Gürcüstan, Edil-Ural İngrya, Karelya, Komi, Kırım, Kuban, Şimalî Kafkasya, Türküstan ve Ukraynalılardan mürekkeb Sovyet mahkûmu milletlerin cemiyeti, İspanya mes'elesini müzakere ederken, Sovyetlerin buradaki müdahelesini şekle taallük eder bir hadise gibi olmayıb, bu müdahelenin Moskvaca yürütülen cihan inkilâbı ümdesinden doğan organik bir hadise olduğuna yüksek cemiyetin nazardıkkatını celbeder.

İspanyadaki tarihi hadiselerin tahlili, bu hadiselerin, senelerden beri Komintern icraatından azad olmıyan İspanya vak'alerile Şarki Avrupadaki hadiseler arasında sıkı surette baglı olduklarını isbat etmekte ve mes'elenin menşe itibarile memleketlerimizin Mokva komünizmi tarafından zorla tutulması keyfiyetile ilikli olduğunu göstermektedir.

İspanya hadiselerinin bu esaslı menşeine Milletler Cemiyeti içtimaının nazarı dikkatını celbetmek üzre milletlerimizin komünist Moskva esareti altında geçirdikleri mezalimden bir kısmını burada hülasa edeceğiz:

Milletler Cemiyetinin tesis edildiği ilk günden itibaren milletlerin kendi mukadderatlarına sahib oldukları hakkından bilistifade ilani istiklâl etmiş memleketlerimiz, Cemiyetin milletler arasındaki münasebatın hukuka müstenid olmasını iktıza eden esaslarını candan alkışlamış bulunuyorlardı. Bizim milletler, Cemiyetin silahtan boşanma hususundaki umumî kararını dahi ilk olarak kabul ve hüsnü nazarla telâkki etmişlerdir.

O zamanki komünist Moskva ne Milletler Cemiyetine, ne silahtan boşanmaya, ne umumi barışa, ne hak ve hukukun milletler arasındaki hâkimiyetine inanmamış, bütün bu idealları istihzaye koyularak, Milletler Cemiyetini komünist inkilabına karşı kurulan bir irtica ve kapitalist maniası gibi telâkki etmiştir.

Moskvanın Milletler Cemiyetine karşı icra ettiği bu mücadelenin ilk kurbanları biz olmuşuzdur. Ukrayna, Gürcüstan, Azerbaycan, Şimalî Kafkasya ve saire gibi devletlerin istiklâlını sarahetle kabul etmiş olduğu halde, komünist Moskva, ilani harb etmeden bu Bu kayıtsızlık komunist Moskvaya memleketlerimizi kat'î surette tutarak, her türlü müsellah mukamemleketleri ansızın bir baskınla tutmuştur. Komünist Moskvanın Milletler Cemiyetine karşı yapmış olduğu bu kanlı hücumun vesikaları ise Millet Cemiyetinin arşivinde saklıdır.

Moskvanın bu tecavüzü karşısında efkârı umumiyeye hitabden başka, milletlerimiz Cemiyeti Akvamın hiç bir muavenetine mazher olmadılar.
vemeti kırmaya imkân verdiği gibi, cihan inkilabını ileriletmek için kendisine iktisadî kudret dahi temin etmiş oldu. Mesela: Moskva Ukraynanın bugdayını, şekerini ve kömörünü, Kâfkasyanın nefti ile marganezini, Karelyanın ormanlarını, Türküstanın pamuklarını çalarak askerî sanayiini dahi Edil Uralda vücude getiriyor.

17 yıldan beri başkalarının mal ve mülkünü garetle meşgul olan Moskvadaki komünizm dünya sulhunu bozarak, komünist ateşine vermek işile meşguldur.

İspanya hadisesi Moskvanın cihan inkilabı yolundaki kesilmek bilmiyen faaliyetinin yalnız sonuncu aktıdır.

Bütün bunları nazara alarak İspanya hadiselerile bizim milletlerin başındaki feci hadiseler arasında sıkı münasebet olduğunu kat'iyetle beyan ediyoruz. Milletler Cemiyeti Avrupanın şarkındaki milletler mes'elesinin hallini ciddî olarak düşünmez ve bu hususta eserli bir tedbir almazsa, umumî Sovyet komünist fırkasının kâtibi A Jdanofun sonkü Sovyet kongresinde (20 XI.36) söylediği gibi, baltik devletlerininin dahi bizim gibi tecavüze uğrayacaklarını beklemek lâzimdır.

Dünya emnü-asayişinin teessüsü için Moskva mahkûmu milletler mes'elesinin Milletler Cemiyet mevzuatı dahilinde ve onun kökünü teşkil eden Misak ruhunda halledilmesinin yegâne çare olduğunu „Promete Cemiyeti" resmen dava eder.

Milletler Cemiyeti Sovyet mümessili Litvinof-Vallah-Finkelşte'nin vaktile söylemiş oldugu resmî beyanatını bu mes'elede sened ittihaz edecek vaz'iyettedir. Saar plebistitinin icrası münasebetile Litvinof Milletler Cemiyetinin bu mes'eleye aid içtimaında demişti ki: „Temsil ettiğim hükûmetin milletlerarası siyasetinin esas prensiplerinden olan „tayini mukadderat" hakkının muvaffakiyetle tatbik olunduğu bu büyük hadiseyi burada tesbit etmekle muftahirim". Milletler Cemtyetinin hakkı, umumî barış bakımından, hatta vazifesidir ki, Sovyetler İttihadı hükûmetine müracaat ederek, şimdi âzası bulunan kendisinden siyasetinin ana esasını teşkil eden bu hakkın bizim milletlere dahi tatbikini istesin ve Saarda olduğu gibi Milletler Cemiyeti idaresinde yapılacak bir plebissite imkân vermek için, işgal ettiği memleketlerimizin kızıl ordu tarafından boşaltılarak, beynelmilel bir kuvvet tarafından muvakkaten tutulmasına Sovyet hükûmetinin rızasını temin etsin".

Batır-bek K—ay

İmamat devrinde askerî levazimat imalı

İmam Şamil zamanlarında Rusyanın Şimalî Kafkasya ile muharebesi, yalnız çarpışan kuvvetlerin sayı itibarile nisbetsizliğile değil, bu kuvvetlerin teslihat ve techizatı arasındaki büyük fark bakımından da tebarüz ediyordu. Bu sonuncu cihet top ve mühimmatın çokluğu ile daha fazla göze çarpıyordu. Bu hususta İmam Şamilin imkânları, arkasında koca bir imperatorluğun hududsuz maddî servetlerine mâlik bulunan rus ordusunun imkânlarile asla mukayese edilemez.

İmam Şamilin Kalugada iken yanında „nezaretçi" sıfatile bulunmuş olan A. Runovski kendi eserinde Şamilin malik bulunduğu teslihat hakkında maraklı malumat vermektedir.*)

Runovski malumatını, kendisile çok zaman uzun söhbetler eden Şamilden almıştır.

Bu söhbetlerden biri esnasında İmam topların nasıl yapıldığını geniş surette tasvir etmiş, başka bir söhbetinde de barıt imalathaneleri ve askerî levazimat imalı hakkında malumat vermiştir.

Top imalathanesi Vedeno'da olub untskul'lu Cebrail Hacio idare ediyordu. Hacio ayni zamanda oradaki barıt imalathanesinin müdürü idi. Cebrail Hacio top dökme işini hacdan dönerken Mısırda öğrenmişti.

Aydın şeydir, ki lazımlı fennî vesait olmadığından imalat iptidaî usullarla yapılıyordu. Bu usulları Runovski tafsilatile anlatmaktadır. İmamat dahilinde tunç olmadığından ve İmamat hududları rus ordusunun ablukası altında bulunduğundan dolayı tuncu haricten getirmek dahi mümkün olmadığı için, topun gövdesi saf bakırdan yapılıyordu.

Bu suretle yapılan topların çok azı tecrübeden çıka biliyordu. Tecrübeleri Cebrail Hacio, iki ve üç katlı doldurmak suretile, bizzat kendisi yapıyordu. Topların ekseri tecrübeye dayanamayıb patlıyordu.

İmam Şamilin hakimiyeti devrinde 40—50 top yapılmıştır, bunlardan da ancak 12—14 top işe yaramıştır. Bunlar da ruslar aleyhinde kullanılmakta idi. (Tabiî, ruslardan ganimet olarak alınan toplar bu hesaba dahil değildir).

Runovski barıt ve top güllesi imalı hakkında dahi malumat vermektedir.

Barit üç imalathanede yapılıyordu: Gunibde, Untskul'de ve, yukarıda zikrolunduğu gibi, Vedeno'da. Dördüncü imalathane Dargo'da idi. Fakat bu imalathane aulla beraber 1845 de, rus ordusunun imhasile biten knyaz Vorontsofun seferi esnasında, tahrib edilmişti.

Barıt imalı da iptidaî usulla yapılıyordu.

Runovski yazıyor, ki:

„Vedeno barit imalathanesi uzun, iki katlı ahşab bir bina idi. Ust katı, imalathane içinden geçen kanalın suyu ile harekete gelen bir degirmenden ibaretidi. Aşağı katta 24 taş basamak yapılmıştı. Bunların yanında, gene su ile hareket eden ve bakırla örtülmuş ağır agac destekler vardı.

Degirmende öğütülen maddeler basamaklara inib destekler vasıtasile temamile eziliyor, ondan sonra çıkarılıb sulanıyordu ve agactan yapılmış uzun, yuvarlak ve büyük fıçılar içinde bir kaç saat çalkalıyorlardı. Yumuşantı dane haline geliyor, daneler elekten geçiriliyor. Elenmişler hazır barıt oluyordu, elekte kalanları ise yeniden çalkıyorlardı".

Bu usulla yapılan barıt Dağıstanda kadim zamandan beri elle yapılan barıttan farklı değildi. Ve şüphe yoktur, ki keyfiyet itibarile yüksek olamazdı. Bütün faaliyet beş gün sürüyordu ve bu müddet esnasında 100 fıçı barıt imal ediliyordu. Runovskinin hesabına göre bir yılda üç imalathane 190 pud barıt hazırlıya biliyordu.

Barıt imalı için lâzim olan selitrayı: Tloh, Muno-Hındalial, Gunib, Otoç ve Hindak ahalisi veriyordu. Bu aulların ahalisi buna karşılık olarak askerî mükellefiyetten azad tutuldukları gibi devlet hazinesinden her aile başına yılda bir buçuk ruble para dahi alıyorlardı. Sera'yı ise ayni şeraitle Çerkat, Şubut ve Kikun aulları vermekte idi.

Top mermilerinden Vedeno, Çoh ve Sogratlde gülle ve granat imal olunuyordu. Fakat bu sonuncu açılmadığı için imalinden çapuk imtina edildi. Gülleler ise demek olur, ki yeniden yapılıyordu, çünkü „ham mal" yerine eski rus mermileri kullanılmakta idi.

Bu hususta Runovski şunları yazıyor:

„Dağlılar top mermisi yapmak için lâzım gelen madene mâlik değillerdi. Bu işe onlar bizim topların mermilerini kullanıyordı.

Bu mermiler ve granat parçaları ise harb halinde olan memleketin sahra ve ormanlarını doldurmakta idi. Dağlılar bunları memnuniyetle toplıyorlardı. Çünkü bu işde hem fayda, hem de zevk duymakta idiler. Toplanmış mermiler naibe getiriliyordu. Bu sonuncu da getirenlere ya para (eğer mermi çok ise), veyahud da barıt veriyordu. Dağlılar (bilhassa çeçenler) sonuncuyu birinciye tercih ediyorlardı.*) Mermi toplama işi yalnız harb bittikten sonra değil, harb esnasında dahi devam ediyordu: yuvarlanan mermiyi görünce bâzen toplu halde üzerine atılırlardı. Mermiyi başkasından daha evvel elde etmek için herkes onu var gücile durdurmağa çalışırdı. Çok zaman mermi granat oluyordu ve patlayarak cesur avcının hayatını alıyordu".

Bu fedakârlıkla toplanan mermiler imalathanelerde eritilerek İmam Şamil ordusundaki toplara göre yeniden döküliyordu.

Kurşunlar da ayni suretle toplanıb yeniden yapılıyordu. Bununla yan—yana kalayla bakırın karışmasından mürekkeb bir nevi avar kurşunu imal ediliyordu.

Şunu da ilave etmek lâzımdır, ki gerek barıt, gerekse top v. s. imalathanelerinde çalışmak için yalnız

*) A. Runovski — „Şamil hakkında notlar" — S—Peterburg, 1860.

*) Dağıstanda barıt azlığı az hissolunuyordu. Çünkü çoğu evde el usulu ile barıt imal etmekte idiler.

yerli amele ve ustalar kabul edilmekte idi. Esirler ve teslim olanlar yalnız bâzı talimat için istifade edilib istihsal işine bırakılmıyorlardı.

Atıcı ve kesici el silahları ayrı ustalar tarafından imal edilmekte idi. En çok maruf olan Kuadalı aulundan Hidatlı Magoma'nın yaptığı tüfekler idi. Kesici silah ustalarından ise, şöhreti zamanımıza kadar yaşamış Olan Bazalay—Ata idi.

Runovskinin verdiği malumat, kısaca, bundan ibarettir.

Bütün bu malumatı öğrenince o kendisini zabtedemiyerek demiş, ki:

„Allah, Allah! Bu adam (yâni İmam Şamil—B. K.) ne gibi ehemmiyetsiz vesaitle bu kadar uzun müddet zarfında bize karşı dura bilmiştir!.."

Doğrudan da, Şamilin Rusya ile olan 25 yıllık savaş dastanı beşeriyet tarihinde tekrar edilmez bir harikadır.

Şimalî Kafkasya Halkıyatından

Hagurun hikâyesi

Köylerden birinde Hagur[1]) adlı bir genç yaşıyordu. O, artık büyüdü ve evlenmeğe karar verdi. Genç ve güzel bir kız vardı, ona vurgundu. İşte bu kızla evlendi.

Hagurun karısının sihirli kamçısı vardı. Bir hafta sonra kocasından bezmeğe başlamıştı. Bu kamçı ile kocasını vurub „köpek ol!" dedi. Hagur hemen köpekleşti.

Güzel kadın kocasından kurtuldu. Kendisine bir oynaş edindi. Zavallı köpek evde kalıb bütün olub biteni görmek mecburyetinde idi. Nihayet o evini birakıb gitti. Bir gün o bir çadıra rast geldi. İçinde çobanlar oturuyordu. Çobanlar aç köpeğe acıdılar, onu doyurdular. Çobanlardan biri onu kendi evine aldı. Bu çobanın yedi yıldan beri hasta yatan bir karısı vardı, yürüyemiyordu, kimse onu sagaldamıyordu.

Çoban köye dönünce bir köpek getirmiş olduğu her yerde malum oldu. Komşular köpeğe bakmak için onun evine toplandılar ve bu karara geldiler, ki köpek harikulâde bir köpektir.

Bir ihtiyar köpeği gece hastanın odasında bırakmayı tavsiye etti.

Köpek tahtın altına girib yattı.

Gece yarısı bacadan eli çatallı büyücü bir kadın geldi. Hasta kadının üzerine düşerek çatalla vurmağa ve kanını içmeğe başladı.

Köpek bunları hep görüyordu, fakat ses çıkarmıyordu. Ertesi sabah herkes kalktı. Hasta kadın daha zaif ve solğun gözüküyordu. Komşulardan biri köpeği, faydasız bir hayvan olduğu için, kogmağı tavsiye etti. İkinci bir komşu ise bir gece daha hastanın odasında bırakmayı lüzumlu buldu.

Gece yarısı kadın gene geldi ve evvelki gece yaptığını takrarladı.

Köpek ise tahtın altında yatıyordu. Kadın uçub gitmeğe hazırlaşirken köpek ayağından yapıştı ve onu odada dolaştırmaga başladı.

Sonra onun vücudunu parçalamağa başladı.

Büyücü kadın dedi, ki:

— Hagur, bırak beni. Ben seni tanıyorum, fena gününde sana yardım ederim.

Köpek ise cevab verdi:

— Bu hastayı sağaltmayınca bırakmam.

Büyücü kadın köşede duran tası alarak içini kanla doldurdu ve dediki:

— Yarın hastayı bu kanda yıkasınlar, sağalır.

Köpek, bundan sonra onu bıraktı:

Ertesi sabah ev sahibi tası kanla dolu buldu. Burada neler ceryan ettiğini anlamıyordu. Köpek ev sahibine yaklaşub sevinçle kanla dolu tasa taraf başile işaret etmeğe başladı. Sonra pencesini kanla isladıb hastaya sürdü. Ev sahıbi anladı. Hastayı kanda yıkattırdı.

Hasta kalktı.

Ev sahibi kopeğinin yaptığını bütün köye yaydı. Herkes bu harikulâde köpeğe bakmağa koştu.

Fakat, köpek tam bu esnade kayboldu.

O, karısının bulunduğu köye gitti.

Karısı, köpeğin döndüğünü görünce kamçıyı alıb „horuz ol!" diyerek vurdu. Köpek dönüb horuz oldu. O kanatlarını çalarak banladı ve dışarı fırladı.

Tam bu esnade komşuda ihtiyar büyücü kadın darı arıtıyordu. O horuzun kim olduğunu hemen tanıdı ve dedi, ki:

— Bir gece daha tahammül et.

Akşam Hagurun karısı kendi sevğilisile yatağa girdiler. Gece kadın bacadan inib kamçıyı çaldı ve Haguru kamçıladı. Hagur insan şeklini aldı.

Hagur ona teşekkür etmek isterken o cavab verdi:

— Ben fena gününde işine yaradım. Verdiğim sözü duttum. Al bu kamçıyı karınla ne istersen yap.

Hagur yatanları kamçılıyarak dedi, ki:

— Eşek olunuz!

Her ikisi de eşek oldular.

Hagur ikinci defa evlendi. Gündüzler iki eşeğile çalışıyor, geceler ise onları karanlık bir yerde kapatıyordu.

Bir çok yıllar geçti.

Hagur bir gün ava çıkmıştı.

Çok uzağa düşmüştü, yolu kaybetmiş ve ormanda gecelemek mecburiyetinde kalmıştı.

Sabah olunca yolu aramağa koyuldu. Ormanda çok dolaştı. Nihayet bir magaraya rastladı.

Magaraya girdi. Masa üzerinde bir bardak süt ve bir parça penir vardı.

Hagur yedi ve uzanıb yattı.

Akşam magara sahibi bir koyun sürüsü ile birlikte döndü. Bu inij[2]) idi. Tek gözlü. Misafirini görünce magaranın kapısını büyük abra[3]) taşile kapadı. Ondan sonra od yaktı, koyunlardan birini yakalayıb parçaladı ve odda kebab etmeğe başladı. Kebab

hazır olunca Tek gözlü inij misafirine de bir parça et attı. Yerde kalanı kendisi parça parça yutmağa başladı.

Yeyib doyduktan sonra inıj uzandı ve uyumadan dedi, ki:

— Bugün ben seni bir misafir gibi doyurdum, yarın sen beni doyuracaksın, yoksa çik—çik seni yutarım.

Hagur gücu zorla çatan bir şişi kaldırıb ateşe koydu.

Şiş kıp kırmızı kızardı.

Ondan sonra Hagur uyumakta olan inije yaklaşib yegâne gözünü yaktı.

Kendisi ise gizlendi.

İnıj yerinden sıçradı ve düşmanını aramağa başladı, fakat bulamadı.

Sabah erkenden kör inıj koyunlarını otarmağa çıkarıyordu. „Misafir koyunların üzerinde kaçmasın" diye her koyunun arkasını okşuyordu.

Koyunların arasında uzun sakallı bir keçi vardı.

Hagur onun uzun yununu gorünce keçinin karnı altına girdi, ellerile asıldı.

İnıj keçinin de belini okşadı, onun üzerinde de bir kimsenin olmadığını görünce dışarı bıraktı.

Hagur bu suretle kör inıjin elinden kurtuldu.

Hagur yolu arayıb eve döndü.

Onun ikinci karıdan sekiz oğlu ve iki kızı vardı.

Hagur inıjden nasıl kurtulduğunu anlattı.

Bunu işiden oğulları babalarından kendilerini inıjın magarasına götürmesini rica ettiler.

— Biz onu mağlub ederiz, dediler.

Hagur onların ricasını kabul etti.

İnıj koyunlarını magaranın yakınında otarmakla meşğul idi.

Hagur ona yaklaşıb dedi,—ki:

— İnıj, işte ben geldim, hem de yalnız değil, oğullarımla birlikte.

İnıj hiç bir söz söylemedi, yalnız elile magaranın kapusunu gösterdi.

Oraya girdiler. Yediler ve inıji beklemeğe başladılar.

Akşam kör inıj koyunlarını getirdi. Magaranın ağzını abra daşile kapattı, fakat bir adam geçecek kadar bir delik bıraktığının farkında olmadı

Bir söz söylemeden inıj Hagurun sekiz çocuğunu da eline aldı, avçunda sıkmağa başladı. Gemikleri vücuddan fırladılar, elinde kalan etlerini ise inıj bir yutumda yedi.[4]) Hagur delikten kaçmağa muvaffak oldu.

Tek başına evine döndü.

Komşu köyde hududsuz gücile tanınmış genç bir avcı yaşıyordu.

Bir gün avda bir ceylan avladı.

Avın derisini soydu ve agacdan astı. Öldürdüğü hayvanın etinden bir parça pişirmek için od yaktı. Bu esnade ceylan derisi agaçdan düşerek hemen canlı bir ceylana çevrildi.

Ve bu ceylan kaçmağa başladı.[5])

Avcı hayretle haykırdı:

— İşte mucize, dedi.

Ceylan ise cevab verdi, ki:

— Bu mucize değil, asil mucize avçı Hagurun başına gelendir. Onu bul, o her şeyi sana anlatır.

Avcı Haguru bularak başına gelen mucizeyi ögrenmeğe karar verdi.

Avcı Haguru çok aradı, nihaet onun yaşadığı köye geldi.

Hagurun evini ona gösterdiler.

Avcı oraya gidib uzun sakallı bir ihtiyarla karşılaştı.

Avcı ihtiyarı selamladı.

İhtiyar misafiri misafir odasına aldı, yedirdi, içirdi. Sonra misafirden niçin geldiğini sordu.

Misafir avda başına geleni başından sonuna kadar anlattı ve sordu:

— Anlat başına ne gibi mucize gelmiştir.

İhtiyar inıjle olan tesadüfleri ve inıjin sekiz çocuğunu nasıl mahvettiğini anlattı.

Avcı dedi, kı:

— Beni oraya götür. Senin evladların öldüğü yerde koy ben de öleyim.

İhtiyar avçıyı inıje götürdü.

İnıj magaranın yakınında koyunlarını otarıyordu.

Hagur ona dedi, ki:

— Ben sana misafir geldim, arkadaşımla beraber.

İnıj hiddetle cavab verdi:

— Mağaraya gidiniz.

Avcı mağara önünde büyük bir abra daşı gördü. Daşı bir elile kaldırıb uzaklara fırladı. Sonra yağlı bir koçu dutub kesti ve pişirdi.

Yediler ve ev sahibinin gelmesini beklemeğe başladılar. İnij gelir—gelmez Hagur ona dedi, ki:

— Biz senin en yağlı koyununuzu yedik. Çok lezzetli kebab idi.

İnıj sert-sert söylenmege başladı. Bunu gören avçı dedi, ki:

— Kör mel'un! Ben seni de koyunun gibi parçalar yerim.

— Sen o kadar çok yemek yermisin?

— Senden az yemem. Gücüm de seninkınden az değildir.

— Böyle ise, çarpişalım.

Bakalım kim kimi yere batırır.

Avcı razi oldu.

İnıj avçıyı dize kadar yere batırdı. Avci inıji göbeğe kadar yere batırdı.

İnıj de onu göbeğe kadar toprağa soktu. Avcı inıjı göksüne kadar batırdı. İnıj çıkamadı. Avcı onu boynuna kadar yere batırdı.

İnıj hareket edemedi. Af istedi ve avçı ne isterse yapacağını söyledi.

Avcı dedi, ki:

— Hagurun sekiz oğlunun hayata dönmelerini istiyorum.

İnıj cavab verdi:

— Magaranın köşesinde bir sandık var. O sandıkda çocukların gemikleri duruyor.

Ben körüm, bulamam. Çıkar o gemikleri intizamla diz.

Avcı öyle de yaptı.

— Şimdi beni çıkar.

Avcı onu de yaptı.

Kör inıj gemikleri üflemeğe başladı. Gemikler etle örtüldüler ve Hagurun karşısında sekiz oğlu hazır oldu.

Avcı inıje rahmetmedi: kılıcını çekib inijin kafasını kopardı.

Avcı inıjin bütün sürüsünü aldı, Hagur ve sekiz oğlu ile beraber eve döndü.

Hagurun küçük kızı evlerine doğru gelen adamları görerek büyük kıza diyordu, ki:

— İşte babamız ve kardeşlerimiz geliyorlar. Onlarla gelen delikanlı da onların kurtarıcısıdır. O, onları felaketten kurtardı.

Büyük kız ise cavab verdi, ki:

— Doğru değil. Babamız ve misafir, kardeşlerimiz gibi inıjin elinde mahvolmuşlardır.

Halbuki küçük kız doğru demişti.

Hagurun evinde ziyafet çekildi. Dans ettiler.

Genç avçı gitmeğe hazırlaşırken Hagur ona dedi, ki:

— Seni böyle bırakamam. Gel akrabalaşalım. Kızlarımdan birini kendine karı olarak seç.

Hagur misafiri kızlarına götürüb dedi, ki:

— Seç hangisini istersin.

Küçük kızın göz kamaştırıcı bir güzelliği vardı. Avcı onu seçti.

Düğün yaptılar.

Damadla kız kendi odalarına çekildiler.

Koca kendi genç karısını soyundurduğu zaman vücudunda bir çok bıçak yeri gördu. Kesiklerden biri boynundan ta karnının altına kadar geliyordu, sanki bir avçı bıçağile kesilmişti.

O karısına bunun ne olduğunu sordu.

Karısı ise gülerek cavab verdi, ki:

Ben, ormanda vurduğun ceylanın kendisiyin. Senin çok kuvvetli olduğunu eşidib ceylana çevrildim ve ormanda senin eline düştüm. Bunların hepsini bobamı bulub kardeşlerimi kurtarman için yaptım.

Avcı bu hikâyeye sevinib karısını daha çok sevmeğe başladı.

---

[1]) Bu masalın motifi Şimalî Kafkasyanın bütün kabileleri arasında, kısmen de cenubî Kafkasyada yayılmıştır (bilhassa hikâyenin birinci kısmı). Neşrettiğimiz kabarda ağzıdır. İnıjn kör edilme hadisesile „Odisseya„nın 9 ncu epizodu (Polifem) ile arasındaki yakınlık göze çarpmaktadır. Bizce bu yakınlık yunanilerin bizden almaları neticesidir. Çünkü kadim zamanların tek gözlü insanları hakkındaki malumat yunanilere Şimalî Kafkasya tarikile geçmiştir. Büyücü kadın ve köpek motivleri ise ,,1001 gece"nin Sindbad hikâyesile yakındır.

[2]) İnıj—adiğe efsanelerinin hergulesleridir; onlara osetinlerın uayug'leri ve humirleri, karaçay-balkarların emegenleri mutabik gelir.

[3]) Abra—adiğe efsanelerindeki siklopik daş; bu taşın Şimalî Kafkasya Kara deniz mıntakasındaki siklopik daş binalerle irtibatı aşikârdır.

[4]) Bu herguleslerin vahşiliği bütün Şimalî Kafkasya Kabile hikâyelerinde zikredilmektedir.

[5]) Bu ve bundan sonra Hagurun oğullarının dirilmesi hadisesi Sibiryanın avçı ahalisi arasındaki itikadla mukayese edile bilir. Bu itıkada göre öldürülen hayvanın derisi ve gemikleri muhafaza edilirse, bu hayvanlar yeniden dirile bilirler.

Uzak Şarktaki Edil-Urallilar

Mecmuamızın İlk Kânun sayısında yazdığımız gibi, Nipponın Nagoya şehrinde yaşayan Edil-Ural-Türk-Tatarları geçen yıl Ağustos ayında Nagoyada mescid ve mekteb binası salmak için resmî müsaade almış ve Eylûlun 4-nde binanın temel atma merasimini yapmışlardı.

Nagoyadaki Edil-Ural-Türk-Tatarlarının medeniyet cemiyeti tarafından idarehanemize gönderilen malûmata göre Uzak Şarkta yaşayan Edil-Urallı ve diğer Türklerin, Hindistanlı ve Arabistanlı dindaşların ve Nipponlı dostların maddî ve manevî yardımlarile yapılan bu binanın bu yıl Son Kânun ayının 22-nde tantanalı surette açılma merasimi yapılmıştır.

Bu merasimde iştirak etmek için Nipponda ve Uzak Şarkın muhtelif yerlerinde yaşayan Türklere, Nippondaki Türkiye, İran, Afganistan ve Mısır gibi islam devletlerinin ilçilerine, Hindistanlı ve Arabistanlı dindaşlara, Nipponnın yüksek mehafiline davetnameler gönderilmişti.

Saat 12-de merasim başlarken mescide toplanan müslüm ve müslimeler birlikte tekbir okumuşlardır. Ondan sonra arab Abdul Mecid efendi ezan okumuş, mescid ve mektebin yapılmasında büyük yardımı tokunan İmam Şemunî efendinin imamlığile cuma namazı kılınmıştır. Muallim Umadettin efendile müezzin Hasan efendi Kur'an okuduktan sonra gazete ve sinema muhabirleri tarafından resimler alınmıştır. Saat 2-de Nagoyanın birinci addedilen „Çakey Kân" klubunda ziyafet verilmiş ve ziyafet esnasında nipponcaya dahi tercüme edilen türkce bir çok nutuklar irad edilmiştir. Türklerin Uzak Şarktaki hayatları ve Türk Nippon münasebetine dair nutuklardan sonra teb-

Nagoya'da (Nippon) yeni mescid.

Мечеть в Нагоя (Ниппон), о постройке которой сообщалось в декабрьском номере нашего журнала.

rik nutukları söylenmiş ve ondan sonra gelen tebrik mektub ve tel yazıları okunmuştur.

Merasim radyo istasyonuna alındığı gibi ertesi günü en büyük nippon gazetelerinde merasim hakkında mufassal yazılar ve resimler çıkmıştır.

Nagoya'daki Edil-Urallılardan bir mahalle halkı.
Идел-Уральская мусульманская община в Нагоя.

Mescid ve mekteb binasının açılması münasebetile Nagoyadaki Türk-Tatar müslümanlarının medeniyet cemiyeti bir çok hediye, iane, tel yazısı ve tebrik mektupları almıştır. Cemiyet bu münasebetle teşekkürlerini bildirmektedir. Nagoyada salınan mescid ve mekteb binasının açılması münasebetile Edil-Ural-Türk-Tatarlarının medeniyet cemiyeti yanındaki gencler şubesi tarafından 23 Son Kânunda ayni klub binasında muvaffakiyetle geçen millî gece tertib edilmiştir. Gecede gencler üç perdeli bir komedi oynamış ve mekteb çocukları „Kazanga gitu", „Çenğiz Han marşı", „Min sivem İslam dinin" gibi şiirleri kor halinde okumuşlardır.

Nagoya Türk-İslam mahallesi kızları tarafından çiçeklerle süslenen klub salonunda tertib olunmuş gecede gene kızlar tarafından millî yemeklerle ikram edilen misafirler, en çok Türkler, sonra Nippon büyükleri, Hindistanlı ve İranlı müslümanlardan ibaret idiler. Nagoyada salınan mescid Nipponda yapılan ikinci mesciddir. Bu münasebetle kardeşlerimizi candan tebrik ederiz.

Б. Билатти

Национальный централизм — залог успеха

В одном из прошлых номеров нашего журнала, в статье „Две альтернативы", г-н Джаван рассмотрел неодократно затрагиваемый у нас вопрос: должны ли мы при всех наших построениях и концепциях исходить из нашего племенного многообразия и этим, так сказать, стабилизировать и даже углублять его, или же, учитывая нашу общность во многих отраслях духовной и бытовой жизни, подкрепленную общностью происхождения и кровных связей, мы должны всюду утверждать принцип единой национальной воли и стремлений, созидать не государство союза племен или народов, а государство единой, хотя и сложной, нации? Джаван отмечает: „С самого начала мы всегда считали, что основой практических починаний северокавкасской национально-политической мысли должны быть не принципы племенного партикуляризма, а действенный национализм. Национальную проблему Северного Кавказа мы никогда не рассматривали, как проблему отдельных племен или народов, об'единившихся в тактических целях для реализации некоей общей политической задачи. Проблема нашего национального возрождения была для нас всегда проблемой единой северокавказской нации, стремящейся утвердить свою независимость и право на существование."

Идя по линии мысли и утверждений г-на Джавана, мы считаем необходимым добавить еще кое-что к тому, что было им высказано в упомянутой статье.

По нашему, геополитическое положение Северного Кавказа и общие условия, в коих он пребывает, не говоря уже о настоящем историческом моменте и связанных с ним идеологических течениях, разрушающих у основания старые понятия и доктрины, ставят нас в такое исключительное положение, при котором не только не следует базировать идею национального возрождения на племенном партикуляризме, но, смеем думать, и сама мысль о таком партикуляризме является опасной для нашего общенационального дела.

Племенной партикуляризм, уже сам по себе, означает наличие раз'единительных тенденций, которые у нас, на Северном Кавказе, могут, при активной поддержке явных и скрытых врагов нашей независимости, преобразиться в открытое политическое течение, стремящееся утвердить национальную обособленность отдельных племен, составляющих северокавказскую нацию. Племенной партикуляризм станет действенным орудием в руках наших извечных врагов, которые при его помощи будут вызывать племенные антагонизмы и, пользуясь ими, будут стараться разложить не успевшую еще окончательно сцементироваться северокавказскую нацию. Но разложение северокавказской нации означает и подрыв идеи северокавказской государственности, которая, лишившись своей базы в лице единой национальной воли, неминуемо должна будет погибнуть.

Если проследить историю Северного Кавказа в главнейших моментах ее развития, то мы увидим, что на протяжении многих веков она несет на себе отпечаток неустанной борьбы двух политических течений, старающихся с переменным успехом преодолеть друг друга. Одно течение, являющееся следствием вполне естественного и здорового конструктивно-государственного инстинкта отдельных этнических групп Северного Кавказа, передовых и доминирующих на данном этапе истории, стремилось к об'единению разрозненных племен в пределах одной общей для них государственности и к слиянию их в одну

нацию. Так было в эпоху аланов, хазар, затем в эпоху адыгейского преобладания и, наконец, во времена Мансура, Кази-Магомета, Гамзат-Бека и великого Шамиля. Другое течение, всегда и при всех случаях инспирируемое и развиваемое чуждыми Северному Кавказу силами, преследовало противоположные цели. Оно добивалось раздробления и раз'единения по племенному признаку и всячески старалось препятствовать естественному процессу слияния родственных племен, связанных неразрывными нитями общности исторических судеб и политических и духовных интересов.

Кульминационного пункта своего развития борьба этих двух течений достигла во времена легендарной, почти двухсотлетней, борьбы Северного Кавказа с Москвой, когда второе — раз'единительное — течение получило сильного и богатого протектора в лице Московского государства, стремившегося всеми средствами ослабить сопротивляемость северокавказских племен и овладеть богатствами Кавказа. Но уже в 30-тых г.г. прошлого столетия гений Имама Шамиля дал мощную основу об'единительным стремлениям, создав в невыразимо тяжких условиях неравной борьбы праобраз об'единенного северокавказского государства, управляемого на основе современных правовых норм, приспособленных к тогдашней северокавказской действительности. И недаром личность великого Имама является символом северокавказского единства. Но если сознание национальной общности отсутствовало бы в то время на Северном Кавказе, то в этом случае и гений Шамиля оказался бы бессильным преодолеть центробежные стремления, противопоставить раз'единительным влияниям, идущим с севера, конструктивную идею национальной общности. Сознание национальной общности было тем фундаментом, на котором создано было государство Шамиля.

Царизм, обосновавшись на Кавказе, продолжал свою раз'единительную работу. По тому же пути пошли и большевики, пользующиеся в своей национальной политике испытанными методами, унаследованными от царизма. Северокавказскую нацию пытается разложить и советская власть. Раздел территории Северного Кавказа на ряд самостоятельных, произвольно-образовываемых административных единиц и искусственное культивирование местных племенных особенностей и языковых различий — являются мероприятиями плановой раз'единительной акции, проводимой большевиками.

И тем более поэтому идея племенного партикуляризма, представляющая большую опасность даже для вполне сконсолидированных наций, живущих независимой жизнью, неприемлима для северокавказской нации, находящейся еще в процессе борьбы за свое освобождение. Нужно согласиться с тем, что эта идея на Северном Кавказе не выдержала исторических испытаний и наша история навсегда и бесповоротно ее осудила, как деструктивную в условиях Северного Кавказа политическую концепцию.

Но отвергая идею провинциально-племенного партикуляризма и противопоставляя ей идею творческого национального централизма, мы должны отвергнуть и систему федерализма, как форму политического устройства, наиболее соответствующую принципу партикуляризма, и принять вместо нее идею унитарного государства, являющегося совершеннейшей и наиболее прочной формой политической организации народа. Племенной партикуляризм тесно связан с федерализмом, при котором он не только успешно развивается, но и нередко зарождается, превращаясь в конечном итоге в провинциальный национализм, угрожающий единству и целости государства. Поэтому федерализм не может быть предметом наших политических устремлений, не может быть для нас политическим идеалом, лежащим в основе практических действий северокавказских патриотов.

Обыкновенно принято считать, что федерализм есть средством, при помощи которого совершается об'единение разрозненных человеческих сообществ, является одним из этапов, по которым ведет путь политической интеграции раз'единенных общественных группировок, осознавших общность своих интересов и неизбежную общность исторических судеб. Но в действительности федерализм не является единой политической теорией, которая бы говорила о том, что федеральное устройство представляет всегда и во всех случаях одну из стадий эволюции политических форм, промежуточную ступень между раз'единением и полным об'единением. Федеральное устройство в каждом конкретном историческом случае может иметь особое значение, специфический характер, в зависимости от того, играет ли оно в данном случае роль об'единяющего фактора, преследует ли цели об'единения, соглашения, примирения, или же способствует раздроблению, создает условия для расчленения уже существующего единого целого. Наука, например, различая целый ряд возможных видов федеративного устройства: территориально-областной, профессионально-экономический, национально-государственный и международный, и опираясь на жизненном опыте, считает, что наиболее отвечающим своему назначению является последний вид, т. е. международный федерализм, при котором в об'единение входят дотоле независимые государства или же отдельные нации. В иных случаях федеративная система недостигает преследуемой ею цели и, следовательно, не находит оправдания.

Слабость федеративного строя была отмечена еще Наполеоном, который считал, что „федерализм ослабляет большие государства, разделяя их силы"... Но в еще большей степени отметил эту отрицательную черту федеративных соединений известный знаток и приверженец федерализма, Токвилль (один из многих) говоря: — „Никто более меня не может оценить преимуществ федеральной системы. В ней я вижу одну из самых могучих комбинаций в пользу человеческого благополучия и свободы. Я завидую судьбе наций, которым дано было ею обладать. Но я отказываюсь, однако, верить, чтобы вступившие в федерацию народы могли бы долго бороться, при равенстве сил, против нации, в которой правительственная власть централизирована". Это последнее положение, так удачно подмеченное Токвиллем, приобретает в условиях Северного Кавказа особую силу и значение. В сопоставлении с нашим внешним врагом, численно нас во много раз превосходящим, федеративный Северный Кавказ, в случае борьбы с ним,

окажется в очень невыгодном положении, которое обуславливается прежде всего отсутствием в федерациях твердой центральной власти, способной довести всестороннюю мобилизацию национальных сил до состояния максимального напряжения, без ущерба для целости и мощи федерации. Федеративная форма, вся построенная на соглашениях и взаимных уступках отдельных штатов, кантонов, областей, племен и т. д., является по существу обыкновенным компромиссом, отличающимся чрезмерной чувствительностью и хрупкостью, в связи с чем не обладает той силой и устойчивостью, коими характеризуется унитарное государство. Для своего нормального существования и функционирования она нуждается в специальных условиях, при которых особенное внимание обращается на территориальное и количественное равенство федерирующихся частей или племен, наций и т. д., и требует от населения сильно развитого правосознания, связанного с врожденной привычкой к повиновению законам, вообще, и решениям федерального суда, разрешающего конфликты между центральной и местными властями, в особенности. Сложность и запутанность организации власти, возникающие главным образом из-за распределения (если можно так выразиться) этой власти между союзным и местными правительственными органами и из-за порождаемых этим положением постоянных трений, обостряющих взаимоотношения между отдельными правительствами штатов, кантонов и областей, с одной стороны, и между центральными органами и местными правительствами, со стороны другой, способствуют не только нарушению согласованной работы в мирное время, но вызывают непродуктивную затрату энергии и сил, которая в военное время не может не влиять на понижение сопротивляемости и устойчивости федеративного государства.

С особенной силой разделяющее влияние федерализма выступает в политической истории Центральной и Южной Америки. Федеративная форма правления, основанная, как было упомянуто выше, на компромиссах, оказалась не способной создать единство как испанского, так и португальского миров. Федералистические тенденции, например, в иберо-испанской Америке, развившиеся не только под влиянием северо-американского федерализма, но и под давлением сильно развитого у испанской расы индивидуализма и партикуляризма, перенесенных и на американскую почву, способствовали распаду испанского мира на целый ряд самостоятельных государств. В иберийской Америке федерализм чаще всего выступал не как об'единительный фактор, но как раз'единяющая сила, которой отдельные местные политические деятели пользовались и пользуются до сего времени для достижения личных честолюбивых целей. В этой части мира идея областного партикуляризма и федерализма служила, и служит довольно часто и сейчас, источником кровавых междоусобиц и революций, она является тут средством борьбы против национального об'единения и, как известно, далеко не содействует развитию местных государств и усилению их политического веса в международной жизни.

Но и в государствах, в которых федерализм выполняет роль об'единяющего фактора, унитарные течения развиваются с такой силой, что накладывают свой отпечаток на характер федеративной системы управления, изменяя все более ее первоначальное лицо и приближая ее путем безболезненной эволюции к системе унитарного государства (некоторые южно-американские государства). Явление это вполне естестенно, так как по закону эволюции и прогресса каждая несовершенная форма в своем развитии неизбежно стремится к совершенству и, следовательно, конфедерация переходит в федерацию, а эта последняя—в унитарное государство.

Однако, некоторые исторические примеры говорят о том, что совершеннейшая форма может быть достигнута и без медленной эволюции. История развития итальянской нации, образовавшейся в процессе смешения самых разнообразных этнических и расовых элементов, способ разрешения ею проблемы политического устройства—в этом отношении чрезвычайно поучительны и представляют для нас большой интерес. В них мы можем найти довольно таки исчерпывающие ответы на те вопросы, которые возникают у каждого из нас в связи с проблемой северокавказской нации и ее государственного устройства. И прежде всего, конечно, из них явствует, что нация, не успевшая принять свою окончательную форму и находящаяся еще в стадии консолидации, не обязательно должна пройти, как некоторые думают, через федерализм для того, чтобы завершить процесс своего политического развития. Наоборот, она с успехом, как об этом свидетельствует пример итальянской нации, может восприять сразу же форму унитарного государства. Вожди итальянского народа, в момент образования об'единенного итальянского государства, не побоялись преодолеть федералистические тенденции, базирующие на прежней раздробленности Италии, и установили единое централизированное королевство. И нужно добавить, что в то время многие еще сомневались — являются-ли итальянцы уже нацией, или нет?

Учитывая кавкасскую действительность, мы полагаем, что федерализм, как форма политической организации, могущая об'единить четыре кавкасских нации, может быть для нас политическим идеалом, принимаемым нами без всяких оговорок. Но зато нет никакой нужды утверждать принципы федерализма (племенного или какого-либо иного) на Северном Кавказе, среди северокавказской нации, для которой переходная и не совсем устойчивая форма государственной организации не может служить ни в коем случае политическим идеалам. Примеры с иберо-американскими народами, или Швейцарией в данном случае мало убедительны и не в состоянии опровергнуть нашего мнения.

Если народы Центральной и Южной Америки могут, пока что без риска и специальных для себя последствий, заниматься федералистическими экспериментами, то только потому, что их геополитическое положение, с одной стороны, и покровительство Северной Америки, ревниво оберегающей принцип Монроэ: Америка для американцев—с другой, создают ту благоприятную обстановку, в которой вечная борьба федералистов с централистами (обычное в федерациях явление), революционные волнения и политический хаос, вытекающие из этой борьбы, могут проходить без последствий и внешних потрясений.

Если в Швейцарии жизнь протекает нормально, мирно и спокойно, то опять же потому, что соперничество могущественных европейских держав в этом месте их соприкосновения нуждается в существовании именно такой Швейцарии, какой она сейчас является. Хотя в последнее время и в ней заметно возросли централистические течения и намечается эволюция в направлении унитаризма.

Но на Северном Кавказе, нам кажется, федерализм не отвечает тем требованиям, которые могут быть пред'явлены в будущем к северокавказской нации. В условиях, в которых она принуждена будет приступить к организации своей политической и независимой жизни, вряд ли уместной окажется мысль о племенном партикуляризме и неизбежно его сопровождающем федерализме, как о форме, при которой этот принцип реализируется наилучшим способом. Перед лицом сильных внешних врагов, готовых использовать наши уязвимые места и, первым делом, конечно, племенные различия, всякие политические эксперименты могут оказаться опасными для существования нации и ими нельзя будет заниматься без риска потерять свою независимость. Нация, недостаточно еще окрепшая и сильная, не может приступить к разрешению так исключительно важных и сложных задач, которые стоят перед нами и которые требуют от нас высокой политической подготовки, как равно и максимального напряжения сил, в условиях незаконченной государственной конструкции, а в особенности со слабой центральной властью. У северокавказской нации нет времени задерживаться на переходных стадиях, промежуточных этапах своего пути к конечной форме политической организации. В нужный момент ей придется последовать примеру итальянской нации и выбрать такую систему государственного устройства, которая позволит ей в кратчайший срок сорганизоваться и создать условия нормального развития и безопасного существования. Нужно полагать, такой политической системой не будут ни принципы племенного партикуляризма, ни связанный с ними тесно федерализм, по своей природе лишенный той силы и устойчивости, в которых так остро будет нуждаться северокавказское государство.

И так должно быть тем более, что целью наших политических стремлений не является простое соглашение отдельных племен, облеченное в формы федеративного союза, но национальное единство, выраженное в виде спаянного унитарного государства. Только такая конструктивная концепция может соответствовать духу времени и только она обладает теми данными, при наличии которых можно думать о мобилизации всех имеющихся у народа живых активных и творческих сил. В эпоху тоталитаризма, в период вновь разгорающихся империалистических аппетитов, федерализм является опасной для Северного Кавказа формой государственного устройства.

Идея федерализма может иметь у нас место только в том случае, если мы станем оспаривать существование северокавказской нации. В этом случае федеративная форма может быть предметом обсуждения и иметь оправдание при рассмотрении вопроса о форме строительства северокавказской государственности.

Но если, наоборот, мы будем исходить из факта существования северокавказской нации, который признается всеми национальными кругами Северного Кавказа, то мы несомненно должны будем придти к логическому выводу, что наилучшей формой политического устройства для нас будет не федерализм, как некоторые утверждают, но унитарная государственная система, возможно, что с децентрализованной администрацией и, может быть, с некоторой автономией для отдельных областей.

В таком виде представляется, в общем, проблема государственного устройства Северного Кавказа нам, ставящим в основу своих практических национальных действий не принцип племенного партикуляризма, но действенный, как пишет г-н Джаван, национальный централизм, вытекающий из глубокой веры и убеждения как в бытие, так и полную жизнеспособность единой, хотя и сложной, северокавказской нации...

Отсутствие общенационального языка не дает еще основания сомневаться в существовании нации, обладающей кроме этого всеми необходимыми признаками, подтверждающими ее бытие. Язык, как неоднократно у нас писалось, имеет большое значение в жизни нации, но общность его для всех членов нации не является непременным условием, без которого существование нации становится проблематичным. В свое время, останавливаясь на этом вопросе более подробно, мы вспоминали и о том, что понятие о нации не есть нечто вполне ясное, очевидное и, пожалуй, постоянное, легко поддающееся внешнему, так сказать, чисто об'ективному определению, но что оно имеет относительный характер и поддается произвольной интерпретации, в зависимости от места, времени и господствующих мировоззрений. Об'ективные факторы: происхождение, язык, религия, традиции и др., при посредстве которых принято было устанавливать раньше это понятие, как известно, уже давно лишились своего значения и в настоящее время не играют больше той доминирующей роли, которая им приписывалась. Они совершенно недостаточны для сформулирования понятия „нация", в особенности там, где живет смешанное население, смешанное как в смысле лингвистическом, так и расовом. Эти элементы относятся скорее к сопутствующим признакам нации, составляют, так сказать, ее naturalia, но мало говорят о внутренней сущности нации и не входят в состав ее т. наз. essentialia, сосредоточенных в элементах суб'ективного характера. Нация—явление чисто психологическое и культурное, возникающее в процессе психологических явлений, происходящих в сознании группы людей, сблизившихся под влиянием тех или иных причин и сделавшихся солидарными в сфере мысли и чувств. Общественная группа, осознавшая свою психологическую близость, духовную общность и обособленность от иных человеческих группировок, проникнувшаяся чувством долга и обязанности служения общему благу, сознанием необходимости тесного сотрудничества и совместных действий для общего добра, перестает быть простым скоплением людей и превращается в нечто более глубокое и единое целое, органически спаявшееся неразрывными психологическими и духовными нитями. С появлением

такого связующего сознания, внешне выражающегося в стремлении оформить эту связь юридически и практически, путем создания собственной от никого независимой, вполне обособленной государственности, появляется и нация, происхождение и дальнейшая консолидация которой отнюдь не обусловливаются, но только облегчаются и усиливаются, наличием общенационального языка, происхождением от одних предков, религией, общими историческими судьбами и др. Яркие примеры с Францией и Бельгией, Англией и Северо-Американскими С. Штатами, Испанией и государствами испанской Америки, Португалией и Бразилией, а в особенности с Швейцарией достаточны для того, чтобы убедиться в правдивости наших утверждений.

Невыдерживает критики и тот взгляд, который считает необходимым для образования нации длительное пребывание составляющих ее частей в пределах одной государственности. Как об'ективные признаки сами по себе не обуславливают возникновения нации, так и долгое существование в границах одной государственности не является непременным условием, без которого слагаемые части не могли бы составить нацию.

Колониальный регионализм, способствовавший в некоторых империях обособлению и затем полному отделению составных элементов, несмотря на долгое пребывание и сожительство последних с метрополией в пределах общей государственности (американские нации и нации, появившиеся в результате послевоенной перестройки мировой политической карты), свидетельствует о силе такого суждения. Но более существенное и убедительное доказательство имеем мы все же в итальянской нации, возникшей на развалинах римской империи, остатки которой, составляя на протяжении тысячи с лишним лет множество мелких независимых государств, областей и городов, никогда не составляли одно национальное и государственное целое.

Таким образом сущность нации содержится в суб'ективных факторах, в элементах психологического и духовного порядка, и ее характерной особенностью является сознание, рождающееся в умах людей на протяжении долгого исторического времени. Это сознание культурной и цивилизационной общности, превращающее определенную общественную группу в самобытное целое, солидарное, как было сказано выше, в сфере мысли и чувств, выражается во вне в форме единой воли и стремления устроить свою политическую жизнь в рамках одной общей и независимой государственности. Смешанное северо-американское население стало нацией вполне созревшей с того момента, как конституцией 1787 года формально зафиксировало свою волю быть нацией. В вступительных словах конституции: — „мы, нация Соединенных Штатов, издаем и учреждаем эту конституцию"... со всей полнотой выразилась единая воля, явившаяся продуктом национального сознания и национальной зрелости североамериканской нации. То же самое видим мы и в швейцарской конституции, принятой в 1874 году. Национальная воля швейцарского народа выражена как нельзя лучше в заголовке конституции, в которой мы читаем: „Во имя Всемогущаго Бога! Швейцарская конфедерация с целью укрепить союз кантонов, поддержать и усилить единство, силу и честь швейцарской нации принимает настоящую федеральную конституцию".

Можно задать вопрос, имеется ли сознание духовной общности и национальной обособленности у населения Северного Кавказа? Обладает ли оно сознанием долга служения общему добру, единой национальной волей и желанием оформить и узаконить ее путем создания независимого государства? Вряд ли нужно отвечать на эти вопросы, наилучшим ответом на которые является сама история Северного Кавказа, красивейшие моменты которой совпадают с эпохой, характеризируемой сильно развитым национальным самосознанием населения и борьбой за национальную самобытность. Нация северокавкасская зародилась уже давно, но недостигла еще окончательной формы своего развития по вине тех причин и специфических условий, которые явились неизбежным следствием геополитического положения Кавказа, как естественного исторического пути переселения народов, и развивавшихся в этой части земного шара исторических процессов.

При царизме, как сейчас при советском режиме, колониальная система управления и политика жестокого национального дробления угнетаемых народов, не давали и не дают возможности оформить в видимых внешних очертаниях завершившийся процесс национальной консолидации Северного Кавказа.

Но значит ли это, что мы, имеющие полную возможность оценить об'ективно и по достоинству современную обстановку, могущие свободно и беспрепятственно анализировать ход исторических процессов, учесть надлежащим образом опыты пройденных столетий в жизни не только своего народа, но и других, особенно же имеющих до некоторой степени сходную с нами историю, должны придерживаться принципов племенного партикуляризма при разрешении вопроса нашего национального будущего? Что лучше, двигаться ли вперед с духом времени и, применяясь к требованиям момента, итти по путям, ведущим неуклонно к быстрейшей и более безболезненной реализации начертанных нами целей, или же следовать путями наших злейших врагов и недоброжелателей, вернуться назад и восстановить уже пройденную нами эпоху племенного партикуляризма?

Мы думаем, что нет ничего лучшего, как usus est magister optimus, поэтому, учтя богатейший опыт истории, необходимо двигаться вперед и стараться пройти расстояние, нас отделяющее от иных наций, в возможно короткий срок.

Мы обязаны, во имя успеха нашего национального дела, при всяких теоретических построениях и практических действиях исходить не из принципа провинциально-племенного национализма, и не из национально разделяющего федерализма, являющегося отражением партикулярных стремлений, но из принципа национального централизма, как наиболее действенной и устойчивой формы государственного бытия...

Коста

О ПРЕСТИЖЕ ВЛАСТИ

Существуют вопросы, которые, хотя и не являются „животрепещущими", нося отвлеченно-правовой характер, но тем не менее заслуживают того, чтобы не быть нами совершенно пренебрегаемыми. В период нашей борьбы за осуществление чаяний наших народов, мы должны быть, конечно, поглощены вопросами и делами, имеющими самую тесную связь с поставленной себе задачей и ведущими к осуществлению намеченной цели. Однако, даже подобные конкретные вопросы и отдельные пункты общей программы работы и действий приобретают известную выпуклость, когда они вяжутся со сложными проблемами, могущими к себе вызвать интерес только в перспективе надвигающегося желанного будущего борющихся за свою независимость народов. Все мы убеждаемся воочию, что эта перспектива будущего кавкасских народов с каждым днем принимает более ясные контуры; так—что отнюдь не было бы преждевременным изредка подвергать обсуждению даже такие вопросы, которые являются „компетенцией" передовых представителей народов, живущих самостоятельной - государственной жизнью. А если для наших народов эта светлая эра независимости еще не наступила, то во всяком случае немало красноречивых фактов говорят за то, что никакое проявление интереса к вопросам будущей нашей самостоятельной жизни не может считаться забеганием вперед. Встречая же в настоящем журнале разбор подобных вопросов, не следует принимать это как выработанную программную установку, ибо подобные вопросы неизбежно вводят высказывающегося в область вольного мышления.

Пусть и настоящая статья примется, как простое высказывание навеянных мыслей, быть может с некоторым желанием „спровоцировать" кого либо выступить более обширно на эту же или аналогичную тему...

Одна ходкая американская поговорка гласит:— „Гораздо выгоднее забавлять людей, чем управлять ими". В самом деле, если только подумать о том,— насколько трудно в настоящее время управлять народом при общей повоенной и пореволюционной разнузданности умов и нравов, как трудно заслужить у управляемого народа более долговременное доверие и верную поддержку,—то приходится согласиться с тем, что стоять у власти по теперешним временам является делом весьма ответственным, обременительным и столь же почетным, сколько и неблагодарным. Но одновременно с этим нужно признать, что носители власти зачастую сами упускают из рук те средства и возможности, которые могли бы удержать их на высоте престижа. Пользуясь негодными средствами и несоответствующими „секретами" государственного благополучия, представители данной власти невольно или сознательно сами ведут свой престиж, а впоследствии и обладаемую власть, к упадку. Близорука и наивна та власть, которая расчитывает держаться у кормила власти путем зажигательных и многообещающих лозунгов, одними призывами к жертвенности, не выполняя фактически сотой доли тех обещаний, коими так были окрылены надежды управляемых. Нужно всегда помнить, что хотя народ довольно охотно рукоплещет каждым новым пришельцам к власти (исключая чужеземных), но в душе всегда оставляет за собой право в нужное время не только осудить „по заслугам", но и насильственно убрать при первом удобном случае своих негодных или жестоких правителей. Народ—это весьма чувствительная мембрана, которая с одинаковым успехом передает на пластинку общественно—государственных настроений и восторженные гимны, и хаос негодования.

Как наивен был председатель русской Государственной думы, Родзянко, самым серьезным образом надеявшийся предшествующие революции беспорядки ликвидировать при помощи пожарной кишки, думая, что народ русский чужд всяческой анархии. Стало явным, что справедливый суд общественности может выливаться в несправедливый самосуд толпы, далекой от всех тех благ, которыми располагали только избранные. Вполне понятно, что нужно владеть не только правительственным аппаратом, но также сердцами людей, тебе доверившихся и охотно подчинившихся; тогда только всяческие неизбежные ошибки власти прощаются с более легким сердцем, а выпадающие на долю народа невзгоды легче переносятся. Путь же обмана и узурпаторства, хотя бы тщательно замаскированный, в конце концов всегда приводит к упадку и катастрофе. „Людей можно дурачить некоторое время, некоторых можно всегда дурачить, но дурачить всех и всегда невозможно", так предостерегал в свое время американский президент Линкольн. Эти слова, конечно, приобретают особенную красноречивость, если мы примем во внимание обстоятельство, когда отдельный самобытный народ подвергается насилию со стороны пришельцев—оккупантов. Кавкавсские народы вовсе не сделались жертвой своих обманутых надежд быть счастливыми под жестокой рукой российских самодержцев, равно как не сами поддались „соблазну" обречь свое благополучие у русских империалистов и собирателей „единой и неделимой" России красного образца. Вот почему „дурачению" наших народов со стороны циничных поработителей тоже должен придти конец в недалеком будущем, ибо даже сами непрошенные хозяева убеждаются в том, что обладать чужим краем можно при помощи силы, но покорить дух, умы и душу народа, стремящегося к свободе, также возможно, как остановить вращение земной планеты. Если, как уже говорилось, народ любит принимать участие в ликовании по случаю громкой победы будь-то одного человека или группы лиц, то эти последние со своей стороны должны стремиться к тому, чтобы и в дальнейшем проявлять свое геройство, энтузиазм на том фронте, где на сей раз добываются счастье и благополучие широких масс народа. Зажигательные

лозунги, пусть даже сегодня действительно зажигающие, вызывают со временем отрицательную реакцию, если они не были оправданы обещанными результами. Да и вообще всякое начинание, связанное с излишней пламенностью и нервической демагогией, дает лишь временный эффект; в то время как нешумливая, планомерная и плодотворная работа является тем фактором, который держит народ в состоянии признательного равновесия и толкает его к творческой работе. Иначе говоря, демагог и зажигатель сердец может оказаться лишь героем весьма короткого времени, если вся его акция не будет соответствовать, пусть даже, укрытым пока настроениям. Не каждое „зажигание сердец" путем пропаганды можно называть демагогией, это мы видели на многих примерах. Престиж власти зависит не только от тех программных установок, которые тщательно сформулированны и торжественно провозглашены народу, но также от тех лозунгов и замыслов, каковые таятся в сердцах и умах самих носителей власти. Помимо этого, свой авторитет власть имущая группа должна создавать не только в сферах той группировки, из коей она выдвинута, но и в широких массах народа; тогда только можно надеяться на заслуженную поддержку в момент назревшей какой либо политической грозы. Сплошь и рядом бывают случаи, когда энтузиазм и горячность вновь образовавшейся группы настолько являются вопиющим требованием момента, что подобная организация может с небольшими трудностями оттеснить ту правящую группу, которая быть может даже приобрела заслуженное признание всего народа. В 1933 году за социал-демократов Германии голосовало 7 миллионов человек, а с какой легкостью проложил себе путь к власти теперешний канцлер Адольф Хитлер, сумевший еще до прихода к власти сделаться носителем всех тех народных чаяний, которые были „придушены" неблагоприятной для немцев политической обстановкой?..

Если в наши времена народ стал более практичен, сильнее настроен критически, более прозорлив и чуток, активен и требователен, то нужно признать, что все это идет все-же на его пользу, являясь предостережением для тех, кто бы вздумал „ездить" на народе. Народ стал судить по делам и очевидным фактам, пристально присматриваясь к нравственным, интеллектуальным и другим устоям носителей власти. Святое знамя со священными надписями нужно держать чистыми руками, тогда только перед этим знаменем будут обнажать и склонять головы с истинным благоговением. Понятия — социализм, либерализм, демократизм и т. п. не во всех уже случаях являются успокаивающими и удовлетворяющими тот „демос", который теоретически берется под особенную опеку в этих теориях — учениях; равно как и образ диктатуры перестал уж служить тем зловещим пугалом, каковым он обычно рисовался в воображении народных масс. Оценка идет от случая к случаю: диктатор иногда может принести больше пользы народу, чем долговечный социалист—парламентарий, распинающийся за судьбу и удел чуть-ли не всего человечества. В народе, даже в обстановке от'явленного террора, всегда можно услышать те робкие нотки недовольства, которые направлены к осуждению дурных действий носителей власти. И никогда правящая группа не может оправдываться тем, что до нее не дошел ропот широких масс народа. Каждое народное возмущение и все революции всегда имеют за собой целый перечень накопившихся причин. До известного момента еще все бывает поправимо, а когда уже начинает бушевать стихия народного гнева, то тогда перестают помагать какие бы то ни было успокоительные меры. Первые сигналы, - это когда в данной стране вся жизнь насыщается анекдотами и злостными каламбурами, в чем следует видеть „галантную" попытку со стороны народа осудить существующее положение вещей. Эту картину мы видим в Советской России.

Когда же эти „галантные" попытки превращаются в явные протесты, в бунт, в вооруженное выступление, то и то не всегда правящая группа идет на уступки, считая всякое громкое провозглашение своего неот'емлемого права за анархию. Не даром во многих случаях создается убеждение, что стоящие у власти люди 75% своей энергии тратят на то, чтобы удержаться у власти, а не на пользу народных масс, которые им доверились...

Самая богатая страна всевозможными анекдотическими явлениями, парадоксами, неувязками и всякого рода „головотяпствами,"—это Советская Россия. И неудивительно, когда там:—вместо диктатуры пролетариата говорится шопотом—диктатура над пролетариатом; С. С. С. Р. расшифровывается—страна страданий, слез и рабства; В. К. П.—второе крепостное право; О. Г. П. У.—О, Господи, помоги удрать, и т. п. А наверное мы будем еще свидетелями того, как в этой же стране склонение во всех падежах Маркса, Ленина и спряжение во всех временах их „заветов" заменится поношением всего того, что успели „достигнуть" за это долгое время большевики-марксисты; это, конечно, давно уже наступило на землях оккупированных, где идет открытая борьба с авангардом красно-русского захватнического империализма, безотносительно к тому, какие бы удачи не сопутствовали существующему режиму в самой собственно России. С точки-же зрения последней можно тоже подчеркнуть мысль, что если коммунизм и не является легко досягаемым „идеалом", то народу, ведь, тоже трудно признавать тот идеализм, который сегодня забывает о насущном хлебе. Если принять во внимание степень выполняемости правительственных лозунгов и программы правящей группы, то едва-ли кто на всем свете превзошел большевиков в демагогии, в циничном обманывании, в кощунственном обращении с личностью, в насиловании души и совести и т. д. Вот почему эта страна является не только „тюрьмой народов", но и рассадником предательства, лжи, террора, морального разврата и нищеты, каковые явления, несомненно, явятся ослабляющими средствами всей той системы Советского союза, из которой наши народы собираются выделиться, не взирая ни на какие трудности и жертвы...

* * *

При теперешней чуткости, нервной впечатлительности и „зубастости" людей, представители вся-

кой власти должны быть особенно требовательными прежде всего к самому себе, весьма бдительно стоять на страже интересов своего народа и быть морально-чистоплотными во всех своих действиях, начинаниях, замыслах, даже мыслях. Каждую общественно-государственную обязанность можно выполнять по-разному, отсюда и разная оценка людьми своих правителей. Нет недостатка в примерах, когда нацию постигало бедствие и она в причинах этих своих невзгод и несчастий всегда искала человеческую вину, требуя чем скорее показать ей виновников, наряду с которыми обычно терпят и невинные. Герои самого возвышенного и светлого дела никогда не заслуживают признания, если это дело не выиграно; тогда как всяческий успех или пребывание у власти создают престиж самым заурядным людям. Переживаемое время требует со стороны правителя самого блиского контакта с управляемыми, никогда не забывая о том, что самому нужно выполнять то, что требуется от подвластных, дабы не уподобиться тому оратору, который бы вздумал в пьяном виде держать речь в духе идей общества трезвости. Когда, бывало, Раймонд Пуанкаре выезжал с женой в провинцию в салон-вагоне, то он всегда покупал своей супруге проездной билет,—он не знал такого закона, по которому жене министра-президента полагался бы безплатный проезд. Скажем,—это мелочь, но сколько побуждений дал этот незначительный пример тысячам французских граждан, наверое обещавших себе поступать в жизни так-же, блюсти прежде всего закон. Великолепие и помпезность не всегда приносят представителю власти престиж и славу. Экс-кайзер Вильгельм всякое свое обращение обычно начинал словами—„Der gnädige Gott und ich" (Милостивый Бог и я), но это, ведь, нисколько не спасло его (ставшего изгнанником своей страны) от обыкновенной участи заурядного сановника. Наивны то правительство или глава государства, которые тратят свои усилия только на то, чтобы излучать свое мнимое могущество, как сияние далекого солнца, требуя преклонения и послушания с закрытыми глазами. Злые дела и всяческие погрешности всегда обнаружаться и вызовут гнев народа, как бы власть имущие не афишировали свою „безумную любовь" к своему народу. Уж лучше быть любимым своим народом, не будучи в него так влюбленным, чем обожать свой народ, не будучи обожаемым. Одна лишь игра на популярность не создает ореола, в то время как заслуженный и признанный авторитет всегда добывается врожденными качествами, а также, конечно, развившимися способностями и полученным опытом. Одна голая система не много стоит, если за ней не стоит сильный авторитет, который бы даже по своем исчезновении, по своей физической смерти, мог оставить сильную традицию, известную школу и достойных учеников—последователей. На примере возрожденной, на наших глазах окрепшей Польши мы видим, как отрадно хотя бы раз иметь человека, который бы пользовался несомненным авторитетом во всей стране: великий вождь польского народа, Юзеф Пилсудский, своей работой при жизни, своим самоотвержением и жертвенностью дошел до ответственной роли вождя своего народа, а ставши им и освободив свой край из-под чужеземного ига, настолько был окружен всеобщим обоянием, что это додавало ему сил, чтобы свой народ поставить на должную высоту во всех отношениях. Недаром в этой стране стало принятым говорить, что Пилсудский продолжает править народом даже после своей физической смерти, с потустореннего мира. Его заместители и ученики помимо своих личных заслуг, как бы, осенены были тем чистым и лучезарным знаменем, который всю свою жизнь нес с таким величием и достоинством Первый Маршал освобожденной Польши. На наших глазах этот пример является, пожалуй, самым ярким примером, когда несравненный престиж одного лица даже по его физическом исчезновении продолжает излучать на учеников—заместителей какую-то магическую силу. Нам известно, что весь народ польский сделал своей настольной книгой все то, что связано с жизнью Юзефа Пилсудского, мысли и слова которого сделались содержанием самой излюбленной энциклопедии. Базируясь-же на этих поистине светлых заветах Вождя, Учителя и Воспитателя, независимый народ могучей Польши уже выдвигается на видное место на международной арене. Народы Кавказа тоже без специального сговора и лишней показной уступчивости признают, что в прошлом они не были лишены людей, могущих всю проливаемую ими кровь за свое освобождение направить в одно русло, иначе говоря, чтобы борьба за свое освобождение носила обще-кавказский характер, каковое единство связано бывает неразрывно с братством крови. Имам Шамиль стремился к этому, но, конечно, много было тогда обстоятельств, препятствующих осуществлению подобного единства. Однако, одно является несомненным: наши герои — предки тоже создали в свое время традиции, имеющие неот'емлимую связь с идеей независимости и освобождения из под гнета извечных наших врагов, в лице полчищ русских белых царей. Эта традиция, повидимому, была достаточно сильна, чтобы ея эманация вдохновила и в ныне живущих народах кавказских те-же самые „инстикты", порождаемые стремлением к освобождению на сей раз из под красного ига кремлевских узурпаторов...

* * *

Не собираясь вторить общему голосу, разглагольствующему о том, что у наших народов в период последней своей попытки к самостоятельно-государственной жизни не оказалось надлежащего единства,—все-же, всегда будет справедливым заявить, что отсутствие этого единства было тесно и неразрывно связано с недостатком в таких людях, престиж которых мог бы сцементировать это единство; но с другой стороны было бы также справедливым хотя бы частично об'яснить больное место нашего недавнего прошлого краткостью времени, за которое необходимые авторитеты не могли успеть настолько скристализироваться и проявить себя, чтобы обрести способность покорять и притягивать к себе людские массы. Готовясь и сейчас к тем дням, когда наши народы ухватятся за первую возможность служения интересам собственной страны, мы зачастую в своих беседах и диспутах затрагиваем этот именно вопрос о наших будущих автори-

тетах, о престиже будущей национальной власти, о наших людских кадрах. Смешно было бы заниматься каким бы то ни было искусственным созданием себе тех или иных „божков", в погоне за авторитетами, но с другой стороны вопрос этот нас не может не занимать. Мы видим среди других народов, — какую колоссальную роль играют непоколебимый дух и железная воля отдельного человека (Юзеф Пилсудский, Кемаль Ататюрк, Муссолини, Хитлер...), и с какой охотой за подобными личностями идут народы по рискованному и „тернистому" пути, с такой же охотой переносятся временные невзгоды, жертвы и неизбежные „крутые" меры. Лишнее было бы толковать о том, — насколько облегчается работа всего государственного аппарата, когда весь народ проникнут и дышет традициями, созданными его вождями, пользующимися безусловным доверием, имеющими за собой факты, поднявшие их престиж. В наших условиях, среди кавкасских народов, не может быть никаких опасений в смысле оторванности правителей от управляемых, ибо у нас нет тех классовых градаций и социальных различий, чтобы существовала какая либо отчужденность между властью и широкими народными массами. Очень часто люди, в погоне за дешевой популярностью, прибегают к методам мирной и уживчивой политики, к приемам всепрощения, к способу общественно-политической „тиши-глади"; подобное спокойное (вернее инертное) отношение ко всяческим вопросам (не взирая на их остроту) и к проделкам стоящих у власти людей (не взирая на их пустоту), — всегда принесет в конечном результате больше вреда, чем пользы, данному человеческому коллективу, любой людской организации. „В политике надо быть злым", не раз повторял Клемансо... Престиж власти будет скорее обеспечен не столько ее показной добротой, сколько теми реальными достижениями, ощутить которые народ всегда найдет в себе способность. Виновником катастрофы всегда бывает человек, вот почему, при наступлении того или иного народного бедствия, народный гнев обрушивается прежде всего на людей, стоящих у государственного руля, и лишь плаксивые слюнтяи ропшут на одну только судьбу. Каждому государственному человеку или лицу, стоящему во главе организации, надлежит всегда помнить, что „не место красит человека, а человек место"; правда, нельзя не признать житейски, что в некоторой степени можно судить и в обратном смысле. Не лишнее ко всему этому добавить, что всякие мероприятия власти, все рассчеты правящих лиц и все государственные замыслы должны быть строго согласованы с чаяниями народа и духом времени. Подобные мысли и вопросы, повторяю, должны занимать и активных представителей тех народов, которые пока находятся в стадии борьбы за свое независимое государственное существование, а сами эти представители проходят известную подготовительную школу, изучая и настоящее положение вещей, и примеры прошлого (как положительные, так и отрицательные). И когда будут осуществлены намеченные цели и выполнена главная задача, а эти лица придут к власти, тогда можно надеяться на нормальное и успешное развитие государственной жизни и установление общественно-правового порядка. Тогда же правящие круги и верхи заслужат признания за ними авторитета, а в народе воцарится обстановка плодотворной работы и истинной свободы, т. е. будут обеспечены — „L'autorité en haut, le libertés en bas". Не нужно, конечно, забывать и того, что всякая власть по природе и идее своей должна быть основана исключительно на правде. А правда — сила!

М. Ч.

„Лагери смерти в СССР"*)

Если нашумевшая в свое время „исповедь" чекиста-невозвращенца Агабекова попахивает определенной провокацией, то этого нельзя сказать о вышедшей недавно книге некоего Киселева-Громова, также б. чекиста, в которой описывается самая значительная из советских каторг, популярно называемая Соловками, а официально—Северными лагерями особого назначения Об'единенного политического управления, в советском сокращении: СЛОН ОГПУ или просто — СЛОН. Книга озаглавлена: „Лагери смерти в СССР." Автор, не мудрувствуя лукаво, описывает все, что он видел. А видеть он мог многое. Гораздо больше, чем каждый из многих сотен тысяч заключенных, пребывающих в СЛОН'е. Ибо, будучи чекистом с 1920 г., он, кроме этого, в течении трех с половиной лет сам находился на командных должностях в СЛОН'овской чекистской охране и, естественно, имел лучшую возможность вникнуть в тайники ГПУ.

С покаянными разоблачениями б. чекиста следует в первую очередь ознакомиться всем тем либеральным кругам Европы, которые в своей наивной близорукости верят в пресловутый „советский гуманизм" и видят в большевистском режиме оплот демократических свобод. Следует ознакомиться с ней и всем противникам большевизма и России, как с еще одним свидетельством ужасающей жестокости, которая свойствена советскому режиму и его опоре— русскому человеку.

Жутью веет со страниц книги Киселева-Громова. Большая часть ее посвящена описанию режима СЛОН'а — режима холодной, продуманной жестокости, имеющее целью физическое истребление заключенных. В компетентном изложении автора, картины из жизни заключенных наглядно отражают жуткое бесправие, господствующее в царстве советов.

О бесправии этом свидетельствует уже состав заключенных. Автор их подразделяет на четыре ка-

*) Н. И. Киселев-Громов. — „Лагери смерти в СССР", книгоизд. Н. П. Малиновского. Шанхай 1936.

тегории: нэпманов, крестьян, каэров и „прочих". Нэпманы—эти те частные предприниматели, которые с об'явлением НЭП'а (новой экономической политики) в 1921 г. открыли, в рамках существующих в СССР законов, собственные предприятия и приступили к честному труду. Впоследствии почти все они были признаны „социально-опасным" элементом и сосланы в СЛОН. Характерную историю одной из таких „нэпманских" семей описывает автор, передавая свой разговов с 16-летним заключенным Фадеевым, работавшим в июне 1930 года на постройке дороги военного значения недалеко от финской границы.

„Я спросил мальчика,— пишет Киселев-Громов— за что он попал в СЛОН. «Не знаю, гражданин-начальник», ответил Фадеев со слезами на глазах: «у моего папы была переплетная мастерская; в ней работали папа, мама, два рабочих и я. Финотдел наложил на папу большой налог. Заплатить он его не мог. За это ОГПУ арестовало его. Потом в ОГПУ вызвали маму и стали ее допрашивать, куда мы дели заработанные деньги. Мама сказала, что мастерская у нас маленькая, работало в ней только 5 человек и что мы зарабатывали только на жизнь, а таких денег, как требует финотдел, у нас с роду не было. Сперва маму не арестовали, но потом, когда из Москвы пришла бумага о папиной ссылке на 5 лет в Соловки, арестовали и маму, и тоже сослали в СЛОН на три года. Где папа и мама здесь работают, я не знаю. Когда папу и маму повезли в Соловки, к нам домой пришли 2 человека в фуражках ОГПУ и с кубиками на петлицах и два человека из финотдела. Они опечатали нашу квартиру и мастерскую, а мне велели итти к знакомым. Сперва жил у тети, но ее тоже скоро арестовали за торговлю на базаре мануфактурой и сослали на 3 года в Соловки. Тогда я поехал к бабушке—она жила в другом городе. На узловой станции я стал просить у людей хлеб; ко мне подошел агент железнодорожного ГПУ и арестовал меня. Две недели я просидел в тюрьме, а потом меня отправили в Соловки. На сколько лет, не знаю. Гражданин-начальник, может быть вы скажете, какой у меня срок, и за что я сослан в СЛОН?»

„Разыскав его формуляр, — продолжает Киселев—я сказал ему, что он осужден Особым совещанием при коллегии ОГПУ на два года, как социально-опасный элемент.

— А что это такое, социально-опасный элемент?...—спросил он меня"...

В таком же духе история ссылки большинства нэпманов, пребывающих в Соловках. Многие из них, пишет Киселев, сосланы только за то, что, основываясь на декрете советской власти о денационализациии и демуниципализации средних и мелких частно-собственнических предприятий, ходатайствовали о возвращении бывшей их собственности. В результате, не получив ничего, они очутились в СЛОН'е.

Вторую группу составляют крестьяне. Это — в большинстве случаев жертвы коллективизации и раскулачивания.

Затем следуют каэры (контр-революционеры), одна из наиболее многочисленных групп. Автор пишет:

„К каэрам ОГПУ относит: всех, кто служил в армиях Деникина, Колчака, Врангеля, Юденича, Петлюры и прочих антибольшевистских армиях; кто состоял на государственной службе при царской власти: младших и старших унтер-офицеров, действительных офицеров всех чинов и рангов, чиновников, волостных старшин и атаманов, приставов, судей, адвокатов, бывших фабрикантов и заводчиков, домовладельцев, лиц, имеющих за-границей родственников; лиц, возвратившихся из эмиграции; тех, кто когда-либо состоял в „бело-зеленых" бандах (хотя все они соответствующими декретами сов. власти и амнистированы); священников, ксендзов, мулл, монахов и т. д."

— За что они сидят?—вопрошает автор. Ни за что,—отвечает он—если считаться с писанными советскими законами и не обращать внимание на законы неписанные, которыми руководствуется в своей практике ОГПУ.

После убийства в Варшаве советского полпреда Войкова в СЛОН было выслано 18956 человек „войковцев", не имеющих к убийству никакого отношения.

Наконец, четвертую группу заключенных составляют „прочие". Здесь состоят лица, обвиняемые в самых разнообразных „преступлениях": рассказчики „неблагонадежных" анекдотов; красноармейцы, читающие открыто в казармах письма от родителей с жалобами на коллективизацию; лица, отказавшиеся стать „сексотами" (секретными сотрудниками ОГПУ) и т. д. В нужных случаях „дело" выдумывается самих ГПУ. Характерный пример такого „изобретения" преступления описывается в книге.

„В 1926 году—пишет автор—СЛОН'у потребовался инженер-керамик для постройки кирпичного завода и керамической мастерской. Среди заключенных такого специалиста не нашлось. Тогда УСЛОН (управление СЛОН'а — М. Ч.) попросил спецотдел срочно выслать его и через месяц прибыл инженер-керамик Холодный, Федор Григорьевич. Срок наказания у него был 5 лет, а наказывался он за... бандитизм! Вместе с ним приехала его жена, как „участница по делу". „Пришить" супругам Холодным бандитизм удалось легко: в доме, где они жили, когда то был белый офицер, который несколько лет тому назад скрывался от большевиков в лесах".

Вся многомиллионная масса „вредителей" в СССР (в число которых, как свидетельствуют последние процессы, стали попадать и т. н. старые большевики) предназначена к уничтожению (к „загибу", как говорится в жаргоне чекистов).

Всех „вредителей", говорит Киселев-Громов, ОГПУ держит на внимательном учете. По мере того, как арестованные этой категории умирают в СЛОН'е, ОГПУ арестовывает тех, кто еще живет на свободе, пред'являет им какое либо обвинение и ссылает в СЛОН.

Процесс этот происходит быстрыми темпами, ибо смертность среди заключенных огромна. Весь режим СЛОН'а рассчитан на то, чтобы заключенные „загибались" возможно скорее и возможно вернее. „Загиб" заключенных начинается уже в пути следования к месту ссылки.

„Мне несколько раз — пишет автор — приходилось посещать пересыльные тюрьмы и я видел, в каких ужасающих условиях живут там заключен-

ные. Все они лежали вповалку на цементном полу, плотно прижавшись друг к другу. Ни кроватей, ни столов, ни скамей для сидения в камерах не было. Зато всегда имелась большая деревянная кадка, в которую все заключенные „оправлялись“. Неимоверная вонь, грязь и предельная скученность!“

В вагонах, где заключенным приходится пребывать неделями (например, при отправке с Кавказа или иных отдаленных местностей), обстановка еще хуже.

„Зимой в товарном вагоне — читаем мы далее — неимоверно холодно, так как печи в нем нет; совершенно темно — ни ламп, ни свечей не выдается. Очень грязно, а главное, неимоверно тесно, никаких приспособлений для лежания или сидения, и заключенным приходится всю дорогу стоять; сесть не могут из-за тесноты: в товарный вагон без нар сажают не менее 60-ти человек. Перед отправкой поезда чекисты бросают в вагон старое, часто дырявое ведро и приказывают оправляться в него; в пути следования заключенных из вагонов для отправления их естественных надобностей чекисты не выпускают. Таков строжайший приказ ОГПУ.

Вот какие картинки мне приходилось не раз наблюдать: на каком-нибудь полустанке Мурманской жел. дороги, где имеется всего 2—3 человека служащих, и, кроме них, никого, чекисты решаются выпустить заключенных для „оправки“ и для того, чтобы они могли набрать себе снегу вместо воды. „Вылетай пулей“ — кричат они заключенным. Те, действительно, вылетают пулей, около вагонов оправляются и тут же набирают снегу в кружки, чайники и просто в полу одежды или шапки. Многие заключенные выбрасывают в снег свои кальсоны, в которые они принуждены были оправиться уже в вагоне. „Беспризорные“ после этого остаются в одной нательной сорочке“*)

И далее:

„На дорогу из Петрограда (к месту ссылки, на север — М. Ч.), т. е. по крайней мере на три дня, заключенному выдается около одного килограмма черного, полусырого и черствого хлеба и три воблы. Водою заключенные в дорогу совсем не снабжаются. Когда они в пути следования начинают просить у чекистов напиться, те отвечают им: „Дома не напился! Подожди, я тебя напою в Соловках!“ Если заключенный, доведенный жаждой до отчаяния, начинает настойчиво требовать воды и угрожает жаловаться высшему начальству, то такого заключенного конвоиры начинают бить („банить“). После этого другие терпят уже молча“.

Таков путь заключенных к месту ссылки. Но все это ни что в сравнении с тем, что их ожидает впереди, уже в самом СЛОН'е. СЛОН, как мы отметили, старается не выпускать обратно своих жертв. Но прежде чем довести жертву до „загиба“, он выкачивает из нее все соки, берет от нее, как говорит автор, „полную меру труда, какую только человек способен дать“.

В СЛОН'е большинство заключенных должны работать на лесозаготовках, расположенных по сторонам Мурманской жел. дороги в растоянии от 10 до 150 километров. Часть заключенных строит дороги, обыкновенно военного назначения; некоторые же используются для иных работ в районе лагерей. Лесные и дорожные работы, производимые вне расположения лагерей, называются „командировками“.

Отправку на командировки Киселев-Громов описывает следующим образом:

„...Отправка партий заключенных на командировки производится всегда ночью. На станции они ожидают по три, по пять часов, пока подадут для них грязные товарные вагоны. Зимой они дрожат, клацают от сорокоградусного мороза зубами, выслушивая чекистскую ругань и приказ чище держать равнение в четверках и стоять „руки по швам“. Когда вагоны поданы сохранившие силы сами влетают в них „пулей“, ослабевших чекисты „подсаживают“ прикладами винтовок. В вагоны их набивают по 60 человек и потом наглухо закрывают все люки; двери запирают на замок. В вагоне заключенному ни сесть, ни лечь. В пути чекисты-надзиратели не хотят утруждать себя ни предоставлением заключенным возможности оправиться, ни подачей им воды. Повторяются все, уже знакомые нам, сцены из пути заключенных в СЛОН.

В дороге заключенным полагается 300 грамм хлеба и три соленых воблы. Но это только „полагается“; фактически заключенный получает не более 200 грамм хлеба и двух вобл. Недоданное чекисты на станциях Мурманской жел. дор. продают голодающим карелам, а на вырученные деньги покупают себе «рыковку».“

Но вот —

„Приехали на последнюю станцию, высадились произвели проверку.

— Партия! — орет старший по конвою заключенным, стоящим в строю: предупреждаю, шаг вправо, шаг влево, — будет применено оружие! П а р т и я! за передним конвоиром шагом м а р р ш! —

Партия идет дремучим карельским лесом, летом с'едаемая миллиардами комаров и тучами мошкары среди бесчисленных болот, а зимою, т. е. в течении большей части года, — по пояс в снегу. Выворачивая из снега обутые в лапти ноги идут пять, десять, двадцать и даже до тридцати километров (как мы отметили, некоторые „командировки“ расположены в 150 километрах от железной дороги — М. Ч.). Наступает ночь.

— Партия, с т о о о й! — кричит старший по конвою с небольших саней, на которых его и, попеременно, всех конвоирующих чекистов в е з у т н а с е б е з а к л ю ч е н н ы е (разбивка наша; такая работа на Соловках называется „временно исполнять обязанность лошади“ — М. Ч.) Партия остановилась.

— Разводи костры, разгребай снег, устраивайся на ночевку.

Для чекистов заключенные раскидывают походную палатку, которую они, как и самих чекистов, везли на санях; ставят в нее железную печку, приготовляют чекистам кушанье. Сами же греют себе снег, у кого есть чайники, и пьют кипяток с 200 грам. черного хлеба (если только он у них остался). Потом, согнувшись в три погибели и подложив под

*) Как видим, и с „беспризорными“ советская власть борется „рациональным“ образом: отправляет их в Соловки.

голову грязный кулак, заключенные кое-как проводят ночь у костров, все время добывая из под снега сушняк, поддерживая им огонь и своих костров, и в печке чекистов. А утром опять: „Становись по четверкам! Справа по порядку номеров рассчитайсь"... и опять — дорога, глубокие снега, сани конвойных чекистов и в них, вместо лошадей, заключенные".

Всюду — в пути, на работах, в расположении лагерей—заключенных подвергают бессмысленно-жестокой военной муштре. Они должны десятки раз рассчитываться „справа по порядку", сотни раз отвечать на приветствия чекиста-садиста неистовым „Здрааа!" Отвечать нужно так, „чтобы в Соловках колокола гудели, чтобы в Ленинграде было слышно". Если чекисту кажется, что, в „Соловках колокола не гудят", а „в Ленинграде не слышно", то отвечать на „приветствие" приходится по несколько десятков и сот раз. Наряду с этим, заключенных подвергают безконечное количество раз различным поверкам, обыскам и т. д. Физические страдания усугубляются моральными, ибо издевательство над самолюбием заключенных также входит в число основ советского каторжного режима в концентрационных лагерях.

По прибытию на „командировку", заключенные приступают к постройке жилых помещений, если таковых там не было. А затем наступает самое ужасное—каторжный труд на полуголодном пайке, полное уподобление безсловесному рабочему скоту.

Вот как описывает одну из таких „командировок" автор:

„В дремучем карельском лесу, летом окруженные сплошными болотами, а зимой обледенелые и занесенные сугробами снега, стоят два-три барака для заключенных, небольшой деревянный домик для чекистов-надзирателей и, непременное приложение — „крикушник" (т. е. карцер).*) Это—одна из лесозаготовительных командировок СЛОН'а.

Бараки сделаны из сырых тонких бревен, между которыми положена моховая прокладка, и на пол метра сидят в земле. Крыша плоская. Сделана она из тонких сырых жердей и покрыта еловыми ветвями. Пол земляной. В бараке два яруса нар из тонких жердочек. Зимой, от тепла в бараке (правда, весьма относительного—М. Ч.) снег на крыше тает и заключенных, спящих на верхних нарах, мочат капли воды, протекающие сквозь щели между жердями.

В бараке на 400 – 500 человек 3 – 4 маленьких тусклых окошечка и две небольшие железные печки, которые зимою топятся всю ночь. Никаких столов и приспособлений для сидения в бараке нет. Кружки, ложки, чайники, сундуки с тряпками—все это лежит там же, где заключенный спит: или под головой, или, если есть место, на гвоздях на стене, над его головой. Грязь, неимоверная вонь, вши, клопы, холод... Вонь в бараках так сильна, что чекисты-надзиратели никогда в барак не заходят.**) В бараке на 400 – 500 человек горит не более двух маленьких лампочек. Стекол к ним на командировках обычно нет и лампочки горят без стекол. Дневальные то и дело выкручивают фитиль — так как иначе огонь тухнет. Когда заключенный утром встает, у него в носу копоть, как в дымовой трубе. Чтобы умыться, надо взять свою кружку и итти во двор и там где нибудь на пне умываться изо рта. Мыло заключенный должен иметь собственное, так как СЛОН его не выдает. Не выдаются и постельные принадлежности; заключенные спят в одежде, настелив на нары еловых ветвей. Во сне их холодит пробивающийся в щели стен ледяной полярный ветер, вши немилосердно едят их измученные в работе тела. Пробуждаясь от холода, они соскакивают с нар, бегут к топящейся железной печке, немного греются и опять идут „спать"...

Если заключенному ночью понадобится выйти оправиться, он должен прежде всего попросить для того разрешения у дневального, а тот доложит об этом стоящему на часах у дверей барака чекисту—надзирателю; потом он должен обязательно раздеться до белья и только тогда он может выйти на трескучий мороз и побежать в лес. Раздеваться его заставляют в предупреждение побега".

И далее:

„Так проходит ночь. А на утро он сквозь сон слышит зычное дневальское*): „Вылетай пулей на работу! Что? Отдельного приглашения ждешь? За дрыном (дубиной—М. Ч.) соскучился?"... Заключенный вылетает „пулей" из барака, умывается снегом, хватает свой грязный котелок и бежит стать в очередь за пшеном.

Поев на нарах СЛОН'овского пшена и выпив кружку горячей воды, заключенный становится в строй. Выстроившихся сначала дрессирует командир роты, затем он идет к дежурному по командировке чекисту и докладывает, что строй готов. Вот идет к строю хозяин командировки"...

Начинаесся новая „дрессировка" несчастных заключенных. Опять безконечные „Здррааа!" в ответ на „приветствие" чекиста: „Здорово, шакалы!"; опять повороты — „налево", „направо", „кругом" и т. д. Наконец, партия двигается к месту работы, совершая часто путь в 10—15 километров, так как, вырубая лес, заключенные все дальше и дальше отодвигают место работы от лагеря.

Каждый заключенный должен срубить и очистить 35 деревьев. Конечно, не каждый может выполнить такой огромный „урок". В этом случае следуют репрессии.

„Сплошь и рядом случается,— читаем в книге— что заключенный, проработав часов 10 и вымотав свои силы, заявляет десятнику и чекисту-надзирателю, что он не в состоянии выполнить урока. Тогда его бьют. Если это не помогает и чекист убеждается, что он действительно выполнить урока не может, остаток урока такого заключенного переносится на всех работающих, а виновник ставится на

*) О „крикушниках" см. далее—М. Ч.

**) Кроме чекистов-надзирателей в СЛОН'е имеются ротные, взводные и пр. командиры, назначаемые из заключенных. В большинстве—это уголовные преступники или же б. коммунисты, осужденные за различные служебные злоупотребления. Непосредственный надзор над заключенными ведется ими. Чекисты требуют от них исключительной жестокости в отношении рядовых заключенных, а в противном случае обращают их в первобытное состояние „шакалов" (так называют в СЛОН'е рядовых заключенных)—М. Ч.

*) „Дневальный" — должность постоянная. Он также входит в число „начальства", назначаемого из заключеных—М. Ч.

высокий пень и обязывается кричать: „Я филон! я филон! Я паразит советской власти!“ Эту фразу он у одних чекистов кричит 500 раз, у других больше. Ванька Потапов (чекист, начальник штрафной командировки „Овсянка“, отличающийся особенным зверством; в дальнейшем изложении автор посвящает ему специальную главу, называя его „зверем в образе человека“ — М. Ч.) заставлял кричать до 5000 раз... кричит заключенный, а сам плачет“.

Но это наказание считается у чекистов легким и применяется в отношении только тех заключенных, которые при отказе от работы плачут. С теми же, кто не плачет, а категорически заявляет, что у него нет больше сил и работать он не может, поступают иначе.

„С ними—пишет автор—чекисты поступают суровей. Шаблонных мер борьбы с ними нет и каждый чекист руководствуется собственной изобретательностью. Расскажу о наиболее частых. 1-ый, он же как правило первоочередной—„дрыновка“: чекист „банит“ (бьет—М. Ч.) изо всех сил прикладом винтовки, а десятники „дрыном“,*) т. е. толстой крепкой палкой, иногда с сучками. Второй—занятие военным строем: „Становись! Каблуки вместе, носки врозь! Грудь вперед! Голову выше! Слушай мою команду: Направо! Налево! Кррруууугом! На месте бегом м а р р р ш!“. Третий прием—„ходьба по восмерке“: чекист-надзиратель приказывает десятнику пройти с километр по снегу так, чтобы получилась цифра 8, по этой восмерке филон должен потом ходить до окончания всеми заключенными их работы. Четвертый прием—раздевание: заключенному приказывают раздеваться и стоять, прислонившись носом к сосне, при чем зимой ствол сосны иногда поливается водой и нос примерзает к дереву. Пятый—„стойка на комарах“: заключенный раздевается и привязывается к дереву так, чтобы своими движениями не мог сгонять сосущих его кровь комаров“...

Существует еще целый ряд иных приемов — все в этом же роде. Неудивительно поэтому, что среди заключенных массами появляются „саморубы“. „Саморубы“ — это те несчастные, которые, не выдерживая ужасной обстановки советской каторги, сами себя калечат: отрубают себе пальцы и даже кисти рук. Но и это, в конце концов, не избавляет их от работы. Такого „саморуба“ сначала „банят“—избивают, а затем отправляют в лазарет, где мажут иодом порубленное место, перевязывают рану бинтом из плохо выстиранных рваных рубашек, полных гнид, и... отправляют обратно на работу. „Не можешь рубить, так будешь пилить. Для этого одной руки тебе хватит“ — говорят несчастному чекисты. И „саморуб“ пилит.

„Пилит одной рукой, — пишет Киселев-Громов — пилит каждый день, пилит до тех пор, пока или от заражения крови умрет, или попросит товарища отрубить ему кисть и правой руки... Если он после этого, уже не работая, выживет, то весною его отправят на Конд-остров, а там уже конец ему. С Конд-острова никто живым не возвращается“.

*) „Десятники“ принадлежат также к числу „начальства“, назначаемого из числа уголовных преступников, в большинстве случаев осужденных за грабежи с убийством—М. Ч.

Заключенных почти не кормят. Основную пищу составляют 1 килограмм в день черного всегда сырого хлеба и пшено, из которого утром готовят кашу, а вечером суп. Изредка в суп попадет мерзлый и сырой картофель, а также кусочки соленой рыбы, настолько испорченной, что около склада, где она хранится, нельзя пройти от зловония. Два раза в неделю в суп крошится мясо от павших лошадей, в общей сложности не более 100 грамм на человека. В кашу кладется подсолнечное масло из рассчета 2 грамма на человека. Казенной одежды заключенным не полагается. Тот, кто доносил свою одежду и не может приобрести новую, ходит в рванном и вшивом белье. Когда количество раздетых увеличилось (на 1 мая 1930 г. в их СЛОН'е было 14875 человек), чекисты нашли „выход“. „Всех раздетых использовать на работах путем выдачи им одежды тех заключенных, которые возвращаются с работы по окончании урока“—такой приказ разослало управление СЛОН'а по всем командировкам.

В результате, как пишет автор:

„Голодный, весь мокрый и еле передвигающий от усталости ноги, заключенный теперь после работы должен был сейчас же раздеться до белья и отдать одежду своему товарищу. В одежде он все-таки мог согреться и отдохнуть. Теперь отобрали и это. Он может только набрать еловых ветвей, постелить их на голые нары и спать на них. Но покрыться ему все таки нечем. Ночью, когда он начнет замерзать, он соскакивает с нар, бежит к железной печке и греется. Согревшись, опять идет на свое место и на некоторое время засыпает. Так проходит вся ночь у „хозяина“ одежды, так проходит весь день (ибо ночь проходит в работе—М. Ч.) у пользующагося его одеждой. Зато растет советский лесной экспорт. Зато СССР — мировой поставщик лесных материалов“...

Особенно тяжело положение заключенных женщин. Все более или менее молодые должны отдавать свое тело чекистам. Если женщина сопротивляется, то ее в скором времени доводят до „загиба“.

Для более полной характеристики жизни заключенных на командировках, следует еще привести рассказ автора о „крикушниках“.

„Крикушник, — пишет он — это карцер и самое распространенное в СЛОН'е место и форма наказания, если не считать битья. В СЛОН'е их имеется 873, т. е. столько же, сколько и командировок. „Крикушником“ карцер называется здесь потому, что посаженный в него заключенный кричит: зимою он замерзает, а летом его, голого, немилосердно грызут миллионы комаров и мошкары. Сажая в крикушник, заключенных всегда раздевают — и зимой и летом...

...В последнее время, в целях экономии леса, начальники командировок стали строить „крикушники“ в земле. Вырывается глубокая, метра в три, яма, над нею делается небольшой сруб, на дно ямы бросается клок соломы и „крикушник“ готов.

— Из такого крикушника не слышно, как „шакал“ орет — говорят чекисты.—„Прыгай!“ — говорится сажаемому в такой крикушник. А когда выпускают, ему подают шест, по которому он вылезает, если еще может, „на верх“.

За что же заключенный попадает в „крикушник“? За все — говорит Киселев-Громов:

„Если он, разговаривая с чекистом-надзирателем, не стал, как полагается во фронт, — он в „крикушнике“. Если во время утренней или вечерней поверки он не стоял в строю, как „вкопанный“ (ибо: „строй — святое место“, говорят чекисты), а держал себя непринужденно, тоже „крикушник“. Если чекисту-надзирателю показалось, что заключенный невежливо с ним разговаривал, — опять он в „крикушнике“. Если он сказал чекисту, что будет жаловаться начальству на его незаконные действия, если он не окончил своего урока на работе, он попадает в „крукушник“. Заключенный из интеллигентных, кроме того, частенько попадает туда за отказ писать за надзирателей статьи для их стенной газеты или рисовать для этой газеты иллюстрации.“

И еще:

„В августе 1930 г. из Северных лагерей бежали в Финляндию польские коммунисты: Островский, Хадкевич, Никульский и Младзиновский. Сначала они, видите ли, бежали из польского „капиталистического ада“ в свое „пролетарское отечество“, но там их направили в СЛОН'овский социалистический котел для переработки в экспортный лес. И они бежали назад — снова в „ад“. Мне было радостно наблюдать последствия их непосредственного знакомства с социализмом, когда в финском лагере они рассказывали о „крикушнике“. Раздетый заключенный сидит в нем зимою, в лютый мороз, и кричит: „Гражданин начальник, пустите в барак погреться! Гражданин начальник, смилуйтесь!... Гражданин начальник, ей-Богу, сейчас замерзну!... Гражданин начальник, я полтора урока выполню, только пустите погреться!“... А „гражданин начальник“ в ответ зычно орет: «Замолчи, шакал! Замерзнешь, ну и черт с тобой: одним шакалом будет меньше».“

Такова в общих чертах обстановка на „нормальных“ командировках. Но имеются еще и т. н. штрафные командировки, куда отправляются заключенные, отличающиеся силой характера и, по мнению чекистов, могущие пытаться бежат. Таких штрафных командировок на 1-ое мая 1930 г. в СЛОН'е было 105. Режим здесь, в сравнении с иными командировками, еще более обострен. Описывая „Овсянку“, одну из таких командировок, расположенную на острове Соловки*), автор говорит, что тут же, около бараков заключенных, были расположены две огромные ямы, в которых лежало около 800 трупов. Это были жертвы одной зимы (еще не закончившейся ко времени посещения автора) на командировке „Овсянка“. А таких командировок (только „штрафных“, не считая „нормальных“) в СЛОН'е, повторяем, 105.

Но считая и это, видимо, недостаточным, чекисты создали еще более ужасное место заключения: штрафной озолятор „Секирка“, расположенный на самой высокой горе того же названия (Секирка) на острове Соловки.

„Слово „Секирка“ — пишет автор — наводит ужас на СЛОН'овского заключенного: от него увеличиваются и замирают глаза, раскрывается рот, дрожат ноги и люди шопотом спрашивают друг друга — кого и на какой срок отправляют на «Секирку»“.

И действительно, есть от чего притти в ужас.

„Раздетые заключенные — продолжает автор описание „Секирки“ — должны сидеть в громадном и холодном помещении по 12 часов в день, сидеть на скамье в ряд один около другого, вытянув руки на колени и молча глядя перед собой. Они не смеют разговаривать друг с другом, оглядываться или шевелиться. Если заключенный пошевелится, почешет тело или сгонит муху с носа, неотступно наблюдающий все время надзиратель молча подходит к этому заключенному, молча бьет его прикладом винтовки по спине и молча отходит“...

После 12 часов такого сидения, имеющим собственную одежду заключенным, одежда эта выдается до следующего утра; не имеющие одежды спят на голом полу. При этом заключенные получают 300 грамм хлеба в день и три раза горячую воду, в которой варилось пшено.

„Если заключенный — пишет далее автор — в течении двух недель ничем не нарушит такого режима, его посылают на работу и выдают ежедневно 400 грамм хлеба и горячую пищу. Если он на работе выполняет полностью свой урок, его из Секирки отправляют на штрафную командировку. Там в течении недели он должен выполнять уроки на трехстах граммах хлеба и горячей пище, выдаваемой два раза в день. Если он сможет при таком питании выполнить свой урок целиком, его переводят на 1000 грамм хлеба. Во время работы секирочник одет в мешки, которые ему выдает СЛОН и которые он сам приспособляет для одевания. Ни один заключенный, попадающий на Секирку, а оттуда на штрафную командировку, больше двух месяцев не выживает“.

(Окончание следует).

*) Первоначально ссыльных отправляли на этот и близлежащие острова. Но затем, по мере увеличения количества заключенных, „командировки“ стали переноситься на материк, и сейчас большинство „командировок“ расположено на материке. „Соловки“ — популярное название лагерей СЛОН'а — возникло в то время, когда местом ссылки были еще только Соловецкие острова.

Mektub ve yazıların mecmua müdürünün yeni adresine gönderilmesi rica olunur.

Просим переписку направлять по новому адресу редактора.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Сквозь розовые очки ученого

В 1936 г. в июньской книге „Анналов" Восточного института в Неаполе были помещены три статьи, посвященные одной и той же „кавказской" теме: происхождению и прошлому хевсур и хазар. Автором первой статьи является д-р Нафтула Файнер (Naftula Fajner), второй и третьей—директор Института проф. Бернардо Барбиеллини-Амидеи (Bernardo Barbiellini Amidei).

Статья д-ра Фажнера озаглавлена: „Sull' origine dei Chefsuri" и, как свидетельствует заглавие, посвящена проблеме происхождения хевсур. Анализируя исторический, лингвистический, этнографический и пр. материалы, д-р Файнер приходит к выводу, что хевсуры произошли от хазар. Особенное значение при этом автор придает следам влияний четырех религий: иудейской, мусульманской, христианской и языческой, которые до сих пор заметны среди хевсур, преемственно отождествляя это явление с положением, которое существовало в Хазарском ханстве. Указанный момент является, по автору, одним из веских доказательств генетической общности хевсур и хазар.

Иного мнения о происхождении хевсур придерживается проф. Барбиеллини-Амидеи в статье „I Chevsuri". Он приписывает хевсурам чечѐнское (нохчи) происхождение, считая, что предки хевсур жили в Аварии, в районе Бежита, и принадлежали в древности к одной абхазо-черкесско-чечено-лезгинской языковой семье. Семья эта впоследствии была разделена, с одной стороны, карачаевским (турецким) и осетинским (иранским) клином, а с другой, клином грузин-яфетидов.

„Все эти пришельцы различного происхождения—говорит автор—заняли наиболее важные проходы и прилегающие к ним районы, творя брешь в цепи народов, существующих здесь перед этим, и отделяя абхазо-черкесскую группу от чечено-лезгинской. Население из района упомянутых проходов сохранило элементы языка и религиозного культа, которые позволяют установить его тождественность с этнической группой, существующей здесь (раньше), хотя оно почти полностью восприняло культуру победителей. Утверждение это относится к сванетам и хевсурам. Факт исторической преэкзистенции хевсур перед грузинским нашествием, усиленный между прочим терминологией культа, исключает теорию о том, что хевсуры происходят от грузин, скрывшихся в наиболее возвышенной части Кавказа от преследований, производимых в XVIII ст. Ага Магомет Ханом в Грузии".

Вторую статью—„I Chazari" проф. Барбиеллини-Амидеи посвящает хазарам. Бо́льшая часть статьи занята историческими обзором Хазарской империи. Говоря о происхождении хазар, автор между прочим отмечает, что черкесы и кабардинцы (которых он, несмотря на общее племенное название—„адыге", считает, повидимому, отдельными этническими группами) „родственны хазарам расой и культурой".

Такова вкратце, так сказать, научная часть рассматриваемых нами статей — часть, в которой весьма часто высказываются оригинальные, но едва-ли убедительные утверждения. Но кроме нее у проф. Барбиеллини-Амидеи существует и часть актуально-политическая, которой он заканчивает свою статью о хевсурах.

„Советские власти—пишет он—действительно сделали весьма много для историческо-этнографическо-языковых исследований среди хевсур. Можно сказать, что Советы проявили специальную заботливость, чтобы сделать достоянием науки цивилизацию Кавказа. Те районы, которые царским режимом терроризировались наиболее грубыми проявлениями насилия и несправедливости, являются сегодня об'ектом подробных научных исследований: политическая власть не делает шага, если не обладает компетентной гарантией, что ее акция не причинит вреда горцам.

Вместе со всем этим, теократическо-феодальная сила была лишена власти путем мощного распространения образования, улучшились и социальные условия прежде всего благодаря мудрой организации сельско-хозяйственной помощи.

Советская власть вполне уяснила себе, что Кавказ легче удержать при помощи верности горского населения (la fedeltà delle popolazioni montanare), чем путем увеличения числа аграрно-милитарных колоний на равнинах Северного Кавказа.

И в этом случае миссия советских ученых не превратилась в бесплодную школу историков пигмеев (una sterile palestra di storici pigmei), которые разыскивают между развалинами и бумагами об'яснения всему: эти ученые с Марром во главе обеспечили советские границы лучше, чем это делали для царей казачьи банды в долинах Терека и Кубани.

Это суть наука, из которой необходимо сделать сокровищницу."

Все это писалось в 1936 г., после неоднократных национальных восстаний, больших и малых, имевших место по всему Кавказу; после „продналогов" и открытого грабежа при коллективизации; после того, как вполне выяснились истинные цели работы советских Марров, последовательно подготавливающих „научную" руссификацию „инородцев". Мало того, именно в 1936 году советская власть наново приступила к организации „казачьих банд в долинах Терека и Кубани"; тогда же по всем кавказским республикам прошла новая волна преследований „буржуазных националистов", которые на этот раз были массово обнаруживаемы среди старейших и, казалось бы, вернейших коммунистов-националов.

Воистину, на сегоднешнюю действительность Кавказа проф. Барбиеллини-Амидеи смотрит сквозь слишком уж розовые очки кабинетного ученого-теоретика.

Программная статья Эмин бея Расул-Задэ

Январьский номер ж. „Куртулуш" содержит интересную статью г. М.-Э. бея Расул-Задэ, посвященную 15-летию издательской работы, которую ведет национальный Азербайджан в эмиграции. В заключительной части своей статьи лидер Азербайджанского национального движения затрагивает и некоторые вопросы программного характера. Печатая эту часть в русском переводе почти целиком, мы обращаем особое внимание наших читателей на те места, где автор статьи возражает против попыток внести разлад в кавказскую национальную среду путем пропаганды необходимости об'единения по религиозному признаку („Армяно-Грузинский унион" и „Азербайджано-Горское об'единение"), которую ведут в последнее время некоторые эмигрантские круги. Итак, автор пишет:

„...Азербайджан — это одна из стран большой тюркской расы. В борьбе за национальную независимость он черпает силы из веры в правоту национальной идеи; неиссякаемым источником этой веры является национальная культура, мощная и единая для всех тюркских народов, — великая тюркская культура.

Большевизм теперь ориентируется на русские культурные наследия времен царизма. В целях защиты нашего национального „я" от разрушительной агрессии обрусительной политики красного империализма, мы придаем громадное значение культурным ценностям, связывающим нас со всеми тюркскими народами, в особенности с Турецкой республикой. В героически-революционных акциях новой Турции нас больше всего интересует ее, охватывающие весь тюркский мир, культурные достижения.

Для нас разлад с Россией не является - как для некоторых политиков — только спором исключительно политического характера. Так называемой „русской культуре" мы противопоставляем свою национальную культуру, которую, усилив методами, воспринятыми из Европы и европеизированной братской Турции, мы выдвигаем против разрушительных проявлений русско-коммунистической морали.

Опираясь на моральную мощь исторически и общечеловечески ценной тюркской культуры, в борьбе с российским империализмом, мы, борцы за независимость Азербайджана, не упускаем из виду чувство реализма, являющегося основной чертой национально-тюркского характера. Политический реализм, основанный на кровавых и горьких опытах прошлого, диктует нам жизненную необходимость связи с идеей Кавказской Конфедерации. Положение Азербайджана в среде об'единенного Кавказа, как об этом думают некоторые близорукие, вовсе не слабое. Азербайджан тысячу одной нитью кровно связан с братским народом Северного Кавказа, заинтересованным в независимости Кавказа и в борьбе с русским империализмом не только в силу славных исторических традиций, но и по геополитическим условиям. Газават великого Шамиля, прославившего имя всего Кавказа в мировой истории, прежде всего является активом чести мусульманского и тюркского Кавказа.

Явление не случайное, что основателем „Мюридизма", воодушевлявшего борьбу Шамиля за независимый Кавказ, является Шейх из Азербайджана; это — результат культурно-исторического родства и близости наших народов. В мартовских событиях, разыгравшихся в Баку в 1918 году, первыми, кто поспешили на помощь кровным братьям (cankardaş), были дагестанцы.

Азербайджанская республика, будучи сама в положении первичной государственной формации, не жалела никаких моральных и материальных усилий для того, чтобы сделать образование Северо-Кавказской республики реальным. Место об'единяющего и администрирующего когда то арабского языка на Северном Кавказе занимает ныне тюркский язык. Горцы убеждены, что в борьбе с русской оккупационной культурой они сумеют бороться только в союзе с тюркско-мусульманской культурой. Роль азербайджанских учителей на Северном Кавказе имеет не меньшее значение, чем некогда роль учителей „Тариката".

Наилучшим пожеланием для всего Кавказа было бы распространение азербайджано-горских братских взаимоотношений и духовной связи на взаимоотношения всех народов Кавказа.

Но, несмотря на это, обосновать Кавказскую Конфедерацию — как это делают „кавказцы" (т. е. сотрудники ж. „Кавказ" — Р-ция) — только на этом двустороннем взаимоотношении, выдвинуть лозунг: сперва мусульмане, а потом христиане — является совершенно не допустимым. Такой метод не приведет нас к об'единению Кавказа, — он нас раз'единит.

Такая тактика вредна общему делу и льет воду на мельницу врагов кавказского дела. Она подобна тактике „Армяно-Грузинского об'единения", которая основывалась на началах христианской взаимности. Не в действительных интересах тюрков и мусульман видеть Кавказ разделенным на два противоположных сектора по религиозному признаку. Результат такого разделения — коротко говоря — выразится или в дальнейшем пребывании России на Кавказе, или же в новом завоевании его той же Россией.

В вопросе кавказского единства и в планах реализации идеи Независимой Кавказской Конфедерации между нами и грузинскими соседями нет никакого разногласия.

Как в идеологических основах об'единения кавказских народов без различия религий, так и в тактических вопросах реализации идей

известного пакта Кавказской Конфедерации — между представителями организаций, подписавших этот пакт, достигнуто полное согласие.

У борющегося Кавказа имеется один враг, и он находится на севере. На юге мы хотим иметь только друзей. Реализация идеи независимого и единого Кавказа, по нашему разумению, отвечает жизненным интересам как Турции, так и Ирана. Если бы Совет Кавказской Конфедерации следовал иной тактике, то среди об'единенных кавказцев место для армян не оставалось бы вакантным. Главный вопрос, разделяющий нас с армянами, это тактический вопрос. Вопрос, который для нас имеет кардинальное и решающее значение.

Азербайджанская борьба, хотя и ведется против большевиков, представителей определенной социальной веры, однако не является борьбою ни группы, ни класса и ни личности. Это всенародная и национальная борьба.

По этой причине она, не становясь монополией какой либо группы и партии, принимает в свои кадры все живые и борющиеся силы народа. Каждый активный, могущий быть полезным национальному делу, азербайджанский патриот входит в состав этих кадров.

Нация для нас—это органическое единство. Интересы отдельных личностей, групп и классов должны быть пожертвованы ради интересов целости, суверенных прав национального целого. Национальный солидаризм—это основной наш принцип. Все противное этому принципу нами отвергается, а все согласное — принимается...

Как известно, современный мир разделен на два лагеря. Две враждующие идеологии, борющиеся не на жизнь, а на смерть на кровавых полях Испании, в том или в ином виде, находятся в состоянии политической схватки во всем мире.

Советский империализм, угнетающий, как и нашу страну, братские и союзные страны Туркестана, Идел-Урала, Крыма, Украины, Карелии и др., охвачен враждебными силами как с востока, так и с запада. Шутовские процессы в Москве свидетельствуют о нервности кремлевского диктатора перед лицом надвигающихся грозных событий. И это также является доказательством того, что долгожданные дни конца тяжелой участи наших народов приближаются. Повторяемый нами в течении пятнадцати лет призыв, мы с еще большею силой повторяем и теперь. Вступая в новый год, чреватый большими событиями, мы призываем дорогих сородичей к бдительности. Поощряя их жертвенность в пользу Родины и плодотворную работу в деле освобождения страны, мы говорим: «Братья, готовьтесь!»".

Аресты грузинских коммунистов

„Брдзолис Хма" (№ 69 - март 1937 г.) печатает письмо из Грузии, посвященное в основном недавним арестам среди видных грузинских коммунистов. Приводим это письмо с незначительными сокращениями:

„Об аресте здешних „троцкистов" вы наверное уже слышали. Ясно, конечно, что среди них нет ни одного сторонника Троцкого, но этим именем называют всех коммунистов, находящихся в оппозиции... Арест грузинских коммунистов был произведен 27 января. В этот день неожиданно на улицах Тифлиса появились многочисленные отряды красной армии и стало известно, что в городе производятся аресты местных коммунистов. Аресту подверглись: Буду Мдивани, М. Окуджава, В. Квиркелия, Н. Кикнадзе, Л. Гогоберидзе, К. Модебадзе, М. Торосиелидзе, Чихладзе, Джикиа (все б. члены советского пр-ва в Грузии — пр. переводчика) и др. Из верных источников нам известно, что вскоре произойдут новые аресты весьма влиятельных коммунистов.

Во время ареста, Л. Гогоберидзе вынул револьвер и хотел покончить самоубийством, но чекисты воспрепятствовали этому; Буду Мдивани возмущенным тоном обратился к представителю ГПУ со следующими словами: „Скажете Сталину, что Тифлис не Москва, а я не Зиновьев или Каменев, чтобы по его приказу приписывать себе отвратительные преступления. Сегодня он может еще расстрелять своих б. сотоварищей, которые не хотят морально пасть так низко, как он, но пусть он помнит, что после Дантона пришла очередь Робеспьера"...

По всему видно, что Бериа приготавливает кровавую резню. Если все арестованные будут держать себя так, как Буду Мдивани, то публичный процесс едва-ли состоится.

В ноябре произведены многочисленные аресты среди офицеров русского гарнизона. Арестованных обвиняли в принадлежности к фашистским организациям, которые были обнаружены в Москве. Большинство из них сейчас же были расстреляны без суда.

Несколько видных коммунистов, которые работали в провинции, бесследно исчезли. Говорят, что ГПУ убрало их, как „неблагонадежных." О вероятности такого утверждения говорит то, что власти не принимают никаких мер к их розыску...

Положение рабочих в Тифлисе, как и вообще всех граждан, невыносимо тяжело. Средний заработок рабочего составляет 250—270 рублей. Кило черного хлеба стоит 1 р. 60 к., белого — 2 р. 20 к.; кило мяса—6-9 р., масла—18 руб., сахара 5 и т. д. Предметы одежды и обувь весьма дороги. Костюм самого плохого качества стоит 400 – 500 руб., а обувь 200 руб... Стахановщина является лишь средством для, хотя бы, временного наполнения желудка. Стахановец может едва-едва выдержать на работе 2 месяца. Затем он должен оставить работу и отправиться на длительный отдых. Такое положение вещей вызывает недовольство и среди коммунистов, в особенности старых рабочих. В коммунистической партии рабочие-коммунисты не

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

HER ŞEY ESKiDE OLDUĞU GiBi...

Şimalî Kafkasya'da millî denilen mekteb muallim ve talebelerinin ağır maddî vaziyetleri hakkında sovyet gazetelerinden alarak geçen sene müteaddid defalar derc ettigimiz malumatlarla okurlarımız âşına olmuşlardı. Bu vaziyet denile bilirki hiç degişmemiş ve iyileşmemiştir. „Dünyanın en demokratik" bir konistitusyon'u olan yeni sov. konistitusyonunun sovyet vatandaşlarına bir sıra muhtelif „haklar" bahşetmesine ve 123-ci madde ile onların „milliyet ve irktan asılı olmıyarak" hayatın her sahasında" o cümleden kültürel hayatta müsavî haklarını tanımasına rağmen, — Şimalî Kafkasya'da „millî mekteb" eskide olduğu gibi gene de oldukca ağır bir vaziyette bulunmaktadır. Bu şerait ve vaziyetin ne derecede ağır olduğunu okurlar, 5-I-1937 tarihli „Kızıl Çerkesistan„nam gazeteden naklettigimiz şu parçadan pek alâ görebilirler:

„Erken Şeher istasyonunda, ülkemize hayvanat tekniki, baytar ve hayvan mutahassısı veren bir Çerkes zooteknikumu (hayvanat teknikumu) vardır.

Bu teknikum tahammül edilemiyecek derecede ağır bir vaziyette bulunmaktadır. Talebelerin stipendiyası ve muallimlerin maaşı vaktında verilmiyor; yatak odaları, dershaneler tefrişatsız, soğuk, oturulacak gibi değildir. 350 talebe ekmek için 2 klometro yol yürümek mecburiyetindedirler. Teknikum yemek hanesinde verilen yemek yenilecek gibi değildir.

Kültürel şerait dahi berbaddır. Talebeler boş vakıtlarını can sıkıntısı ile geçiriyorlar—teknikumda hiç bir medenî eglence yoktur.

Zanetmeyinizki, vilayet ziraat idaresi teknikumun bu berbad vaziyetinden habersizdir. Vilayet zir. idaresi işçileri sık sık mektebi ziyaret ederek her şeyi görüyorlar ama hiç bir tedbir ittihaz etmiyorlar. Vil. zir. idaresi rahberleri pek alâ biliyorlar ki, talebeler ancak iki ayda bir defa kirli hamama gide biliyor, mekteb çamaşırhanesinden temaman yıkanmamış çamaşir alıyorlar. Gene iyi biliyorlarki, yurdsuz(?) talebe Aşıbokov ve Kurbanov'un katiyen ayak kabısı yok, cimnastik talimine yalın ayak çıkıyor ve sonra da hastalanıyorlar.

Fakat, mektebi ziyaret eden „reisler„in bu hallere aldırdıkları yoktur. Geldiler, berbad vaziyeti kaydettiler ve gittiler.

Dahası var: gazete idarehanesi vilayet. zir. idaresi reisi yol. Lisitski'ye teknikumdaki berbatlığı gösteren materyallar yollamıştı. Artık, bundan sonra vil. zir idaresinin bu işe müdahele ederek bir tedbir alacağını ümid etmiştik. Megerse bu da boş bir vaidmiş. Vil. zir. idaresi teknikumda mahrukat olmadığını, yatak odalarının kirli olduğunu, su olmadığını tesbit ettigi halde, gene de boş vaidler vermekte ve „yeni bütce alınınca eksiklikler doğrultulacaktır" yani şimdilik talebeler tahammül etsinler, biz çaresine bakarız, demektedir. Bekleyiniz, hakkınızı alırsınız.

Vil. zir. idaresi işçileri gençlere, kolhoz Çerkesistan'ının müstakbel mutahassıslarına yapılan bu berbad muameleyi sükûnetle seyretmektedirler.

Bu, ne zamana kadar devam edecektir?"

Bu, ne zamana kadar devam edecektir? Hiç şüphesiz, yabancı istilâ hükûmeti koğuluncaya ve yerini millî hakimiyete bırakıncaya kadar.

MUHTELiF HABERLER

— 1937 nci yılın Son Kânun ayında Karaçay vilayetinde „mes'ul iş üzerinde olan" komünistlerden Asker Habil oğlu Efendiyef, Vatslav Narkeviç ve Zahar Patrin öldürülmüşlerdir. Ayni ayda Gürcüstanda „emekdar eski çekistlerden" Korney Osipçuk katledilmiştir.

— „Molot" gazetesi „Azçerzoloto" (Azak—Karadeniz Altun) kombinatının faaliyeti hakkında şu malumatı vermektedir: kombinat, Labin, Ermeni ve Soçi mıntakalerinde bulunan 10 altın ocaklarını birleştirmektedir. Son zamanda bu ocaklarda altın istihsalı çok artmıştır. Hali hazırda gerek keşfiyat işleri, gerekse altın istihsali geçen yılkinden daha sür'atle ileriliyor. Stahanovçılar geçen yıla nisbeten artmış olan yıllık istihsal planını artıklamasile çalışıyorlar. Yakınlarda Pşeha nehri üzerinde (Ermeni mıntakasında) keşfedilmiş olan yeni altın madeni büyük altın ihtiyatına mâliktir. İlk tercrübeler burada külli altın bulunduğunu meydana koymuştur. Buradaki altın toz altındır. Külçe halinde altın ise Soçi nehri mintakasında bulunmuştur. Buşi nehri üzerinde araştırıcılar kristal slants içerisinde altın meydana çıkarmışlardır. Kafkasya dağlarında ve ölkemizde altın madenini işletmek için geniş imkânlar açılmaktadır.

— „Kızıl Karaçay" gazetesi, karaçay, balkar, nokay ve kumuk orfografilerinin „yakınlaştırma ve sadeleştirme" işleri bitmiştir. Bu „yakınlaştırma" ve „sadelaştirme" daha çok ruslaştırmayr ifade etmiyorsa, şüphesiz, ki bu islahat uzatılacaktır. Bu hususta bolşevikler, projesi çoktan hazırlanmış ve kaç yıldır tatbikini bekliyen bütün Şimalî Kafkasya alfabelerinin birleştirilmesi işinde oldugu gibi hareket edeceklerdir.

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ „СЕВЕРО-КАВКАССКОГО КРАЯ"

Постановлением ЦИК СССР от 13 марта „Северо-Кавкасский край" переименован в „Орджоникидзенский край" в честь умершего Серго Орджоникидзе. Таким образом, воспользовавшись смертью „незабвенного Серго", советская власть пытается окончательно вывести из употребления термин „Северный Кавказ". В связи с переименованием края переименована и краевая газета „Северо-Кавкасский большевик" в „Орджоникидзенскую правду."

„БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ" В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ

По Северному Кавказу прошла новая волна репрессий против „буржуазных националистов". На этот раз пострадали „коммунисты-националы" Карачаевской и Черкесской авт. областей. Хотя советская печать не сообщает о форме репрессий, имевших место на этот раз, но сведения, которыми мы располагаем, говорят о многочисленных арестах, произведенных среди коммунистов Карачая и Черкесии. В числе арестованных находятся председатели облисполкомов: карачаевского - Курбан Курджиев и черкесского— Хамшик Камбиев.

О первом на собрании областного партактива секретарь обкома ВКП (б), некий Потапенко, выразился следующим образом:

„Отсутствие смелой большевистской самокритики было причиной того, что на работе председателя облисполкома мог долгое время быть Курджиев Курман, буржуазный националист, личный друг Бухарина. Парторганизация не разоблачила с первых же шагов этого пособника врагов, не разглядела его подрывной работы"..

И немного далее:

„Задачей партийных организаций Карачая является— вскрыть до конца и изгнать из партии последние охвостья курджиевщины, врагов трудящихся—буржуазных националистов, всех пособников троцкистско-зиновьевских бандитов". („Красный Карачай"—27-III-1937).

Из иных выступлений на упомянутом собрании следует отметить выступление Дауда Байкулова, члена „союза писателей Карачая", который говорил о „засорении" союза сторонниками Курджиева.

„Байкулов Даут (союз писателей)—читаем в уже цитированном номере „Кр. Кар."—рассказывает о том, что связь с Курджиевым поддерживают до сих пор некоторые коммунисты. Он приводит пример, что во время поездки в Пятигорск Халилов Маджид имел дол-

играют никакой роли. Партия же есть орудием в руках ГПУ. То, что ей прикажут, она исполняет. Естественно, что уже никто не верит в социалистическую сущность режима... Многие коммунисты искренно желают новой революции и падения сегоднешнего режима."

гую беседу с Курджиевых.*) О чем? Халилов должен рассказать это партии. Байкулов говорит о засоренности союза писателей Карачая чуждыми людьми. Называет имена писателей, которые составляли и печатали хвалебные оды Курджиеву".

Характерно выступление и некоего Арифуллина, служащего обл. отдела нар. образования. По поводу этого выступления „Кр. Кар." пишет:

„Арифуллин (облоно) говорит об оживлении религиозных сект на строительстве города (Мик'ян-Шахара) и в области, и о том, что партийные и комсомольские организации не всегда замечают это, не противопоставляют агитации поповско-муллынских элементов хорошо поставленную антирелигиозную и культурную работу".

Собрание партактива вынесло резолюцию, в которой между прочим читаем следующее:

„...Как следствие крупнейших недостатков и болезненных явлений, наличия элементов круговой поруки и двурушничества в отдельных звеньях парторганизаций в течении ряда лет, в парторганизации области оставались на разоблаченными контрреволюционеры-троцкисты, правые реставраторы капитализма и буржуазные националисты.

...В результате неудовлетворительного руководства колхозами и значительного отрыва области от колхозных масс, своевременно не были разоблачены вредительские махинации контрреволюционных муллыских элементов в колхозах Курорт-Теберда, Н.-Мара, Осетиновка и В.-Теберда.

...Собрание партактива считаем, что Карачаевская партийная организация, на основе точного и неуклонного осуществления решений пленума ЦК ВКП (б), должна коренным образом перестроить всю партийно-политическую работу, изжить имеющиеся крупнейшие недостатки в работе партийных организаций, поставить на должную высоту марксистско-ленинское воспитание коммунистов, усилить руководство и организацию политической работы в массах.

Партийная организация Карачая — на основе организации большевистской самокритики, осуществления основ внутрипартийной демократии, повышения революционной бдительности—должна до конца разоблачить и очистить свои ряды от контрреволюционных троцкистов, правых реставраторов капитала и буржуазных националистов и других врагов социализма."

Обвинения против б. предисполкома Черкесской авт. области Камбиева носят аналогичный характер. И в этом случае основой является обвинение в „буржуазном национализме." Некий Мещерин обвиняет его в том, что он свысока обращался с ответственными партийными работниками из русских. Так например, парторга облисполкома Наводникова он заставлял по три часа ждать в своей приемной, многих посетителей он выгонял из своего кабинета „с грубой бранью" („Орджон. правда"—30-III-1937). Вместе с этим Камбиев покровительствовал „буржуазным националистам", которых „особенно много развелось" среди учительского персонала школ Черк. авт. области. После ареста Камбиева, советские власти приступили к усиленной „чистке" среди преподавателей аульских школ.

Об этой „чистке" в „Красной Черкесии" (29-III-1937) мы находим следующую заметку:

„За последнее время в ряде школ Черкесской области вскрыты факты извращения преподавательской работы.

В школе аула Калмыковского (Икон-Халковский район) проповедниками буржуазного национализма являлись преподаватели Джамбетов и Бермамытов.

В школе аула Апсуа (Кувинский район) в качестве директора и преподавателя подвизались контрреволюционные буржуазные националисты Озов и Кужева.

Директором школы аула Псаучья-Дахе оказался проходимец-авантюрист Хохоуджев.

История поступления этого проходимца на работу в школу напоминает похождения Чичикова из „Мертвых душ" Гоголя. Перед началом учебного года в приемной Черкесского обл-оно появился неизвестный гражданин, отрекомендовавшийся специалистом школьного дела Хохоуджевым. Не проверяя этого „специалиста", бывший зав. обл-оно Мхце приказом провел его директором школы аула Псаучья-Дахе.

Получив приказ Хохоуджев выехал в Адыгейскую область. Как выясняется, там он передал приказ другому проходимцу и тот приехал в аул Псаучья-Дахе „потрудиться" на школьном поприще, тоже под фамилией Хохоуджева.

За несколько месяцев Хохоуджев (настоящая фамилия его не известна) развалил работу школы и расхитил школьное имущество.

Хохоуджев разоблачен и отдан под суд. Сняты с работы буржуазные националисты Озов, Кужева, Джамбетов и др."

Таков фактический материал, иллюстрирующий развитие „буржуазного национализма" среди коммунистов и советских служащих на Северном Кавказе. Как видим, развитию великодержавных тенденций в Москве прямо пропорционально усиление антирусских настроений на „окраинах."

*) Курджиев перед арестом выехал в Псыхуабе.

РЕЖИМ „СОЛОВОК" В ДЕТДОМЕ

„Красная Черкесия" от 8-III-1937 г. описывает порядки, царящие в Батал-Пашинском детдоме. Газета пишет:

„Жизнью Сулимовского детского дома никто не интересуется и за его стенами творятся возмутительные безобразия, граничащие с преступлением. Какую оценку можно дать таким фактам, когда малолетних детей ввиде наказания запирают в холодную кладовую и по целым суткам не дают пищи? Подобный случай был с 8-летним Ваней Сагидовым, которого заведующая детским домом Пупынина 4 марта за ничтожный проступок посадила в маленькую клетушку, ничем не отличающуюся от сырого холодного погреба. Такое же наказание получил и Вася Замшин, а также многие воспитанники. Иногда сидение в карцере достигает пяти суток.

Распоясавшаяся Пупынина в ввиде „надежных" методов воспитания широко практикует ругань, окрики, побои и карцер. Отвратительная действительность детского дома спрятана за кисейные занавески, за вывеску воспитательного учреждения, которое по сути дела является местом, где калечат детей, вызывая в них озлобление и замкнутость.

Большинство детей не имеет хорошей обуви, пальто, а некоторые, как например мальчик Корнилов, ходят в школу в одной рубашенке. Белье меняют, по словам детей, нерегулярно, а про смену верхнего платья частенько забывают. В детдомовской бане настолько холодно, что после ее посещения многие тяжело простуживаются.

Жиденький суп, где плавает несколько картофелин, и безвкусная каша — это повседневный обед воспитанников. В довершение к этому, вместо полагающихся 750 грамм хлеба, дети получают всего 400. Таким образом, имея 85 воспитанников, руководители детдома ежедневно „экономят" около 30 кг. хлеба.

Беспечные руководители обл-оно не считают нужным заглядывать в детский дом, занявшись более „серьезными делами".

Пора прекратить издевательство над детьми. Нужно сорвать маску с таких „воспитателей", как Пупынина, применяющих палочные методы и карцер, и отстранить их от руководства детским домом.

Дальнейшие же выводы должны сделать областной отдел народного образования и судебно-следственные органы."

Как видим, жизнь воспитанников советского „детдома" нисколько не разнится от ужасной жизни заключенных в Соловецких лагерях (см. статью „Лагери смерти в СССР" в настоящем номере).

НОВОЕ В КАВКАССКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В „Гр. раб." от 16-II-1937 г. некий Артамонов, подписывающийся в качестве „действительного члена института истории феодального общества", помещает следующую заметку:

„Чечено-Ингушетия относится к наименее изученным в археологическом отношении республикам Кавказа. В ней не производились сколько-нибудь крупные археологические исследования и памятники ее прошлого остаются не только не изученными, но и не выявленными.

Потребность в археологическом исследовании с особой остротой ощущается в настоящее время, когда задача изучения истории народов СССР не может быть решена по данным одних только письменных документов и требует привлечения всей совокупности материалов.

В отношении Чечено-Ингушетии и Дагестана, как и всего горного Кавказа и его народов, археологические данные представляют собой важное значение при исследовании таких проблем, как происхождение и древнейшая культура туземных яфетических народов этой горной страны. Только посредством археологического исследования может быть дан ответ на вопрос о времени, в котором шла их колонизация, и о различных этапах этого процесса.

Известно, что о происхождении яфетического населения горного Кавказа существуют два взаимно-противоположных мнения. Согласно одному — оно явилось с юга, из Закавказья, другому — горы были освоены северными племенами. Нет согласия и относительно времени этой колонизации и уровня культурного развития, на котором освоение гор стало возможно.

Важно и насущно необходимо, в интересах исследования истории народов Кавказа, изучение археологических памятников Чечено-Ингушетии и Дагестана, относящихся к ранне-хазарской эпохе. В это время политический центр Северного Кавказа передвинулся к востоку, в степях же и предгорьях Чечни и Дагестана находилось ядро складывавшейся Хазарской державы, обнимавшей не только степное население, но и охватывавшей своим влиянием прилегающие горные районы.

В ожесточенной борьбе с сасанидской Персией и арабами, хазары создали первое мощное туземное государство в европейской части нашей страны, распространив свою власть на громадную территорию и оказав могущественное влияние на последующую историю значительной части нашей страны и в особенности Северного Кавказа. Исследование тех социально-экономических процессов, которые обусловили возникновение Хазарского государства, и тех процессов, какие в конце концов привели к образованию турко-язычных народов Кавказа, должно быть направлено в первую очередь к археологическим памятникам, как наиболее соответствующим для этих целей историческим источникам.

Изучение археологических памятников Чечено-Ингушетии представляет собой весьма большое значение и для познания истории народов нашей республики.

Начиная археологическое изучение такого обширного, богатого памятниками района, каким является Чечено-Ингушетия, необходимо в первую очередь произвести очень важную работу по выявлению и регистрации имеющихся археологических памятников.

Значительная часть работы в этой области местным научно-исследовательским институтом уже проделана. В прошлом году археологической экспедицией института вывезено до 2000 предметов материальных культур эпох до нашей эры. Экспонаты эти переданы в Ленинградскую академию материальных культур для камеральной научной обработки. Такую же археологическую научную экспедицию местный научно-исследовательский институт предполагает организовать в текущем году.

Одной из основных задач организуемого археологического изучения Чечено-Ингушетии является подготовка в процессе работ местных археологических кадров, а также археологического отдела в музее республики. Для этого желательно привлечение в состав экспедиции местных работников, имеющих некоторую историческую подготовку и желающих специализироваться на археологическом изучении своей страны".

* * *

„Молот" от 11-II-1937 пишет о плане археологических раскопок в Западной Адыгее и в районе Дона, которые будут произведены в текущем году различными советскими археологическими экспедициями.

„В 1937 году — пишет газета — в Азово-Черноморском крае вновь широко развертываются археологические раскопки на местах древних поселений, могильников, курганов.

Бюро охраны и изучения памятников при Крайисполкоме наметило произвести раскопки на территории приисков комбината „Азчерзолото". По течению реки Белой здесь были встречены находки выдающегося научного значения, в частности, погребение одного из вождей местных сарматских племен II—III в. нашей эры, содержавшее в себе древнеримские воинские доспехи (шлем, панцырь, щит, мечи), металлические, стеклянные и глиняные предметы быта (различные сосуды, в том числе серебряный сосуд с изображением сцены вакханалии), украшения в виде бус, подвесок и др.

Экспедиция Государственного исторического музея будет продолжать раскопки крупного древнегреческого города Фанагории (на Таманском полуострове), входившего в состав Босфорского царства, основанного греками-колонистами 2500 лет тому назад в Скифии (северное побережье Черного и Азовского морей и прилегающие к нему степи). В прошлом году раскопки Фанагории открыли остатки древней мостовой, фундаменты зданий, камни с цветной прописью, обломки чернолаковых и других сосудов, погребальные урны и т. д. Был найден и древнегреческий колодец, сложенный из крупных каменных плит. После расчистки колодца, он быстро стал наполнятся прекрасной, свежей водой, используемой сейчас местным колхозом для нужд животноводческой фермы.

Академия истории материальной культуры будет вновь вести раскопки средневекового города Саркела— столицы древнего Хазарского царства. Остатки Саркела (в окрестностях станицы Цымлянской на Дону) уже давно привлекают внимание исследователей. В этом году здесь будет произведена расчистка фундаментов древних городских строений (жилых зданий, общественных сооружений), остатков каменных и кирпичных стен и башен древней крепости, построенной по просьбе хазарских правителей византийскими архитекторами. Продолжатся раскопки и местного курганного могильника. В насыпи одного из курганов в 1936 году было обнаружено 231 погребение; вместе со скелетами погребенных лежали бусы, подвески, бубенчики, кольца, браслеты и другие вещи, причем в ряде случаев в одном гробу лежало два скелета — мужчины и женщины (мужа и жены), хоронившихся в одной могиле,

В Анапе археологический отряд Бюро охраны памятников обследует остатки подземных сооружений времени турецкого владычества".

* * *

Наконец, в „Бак раб." от 14-II-1937 читаем следующее:

„Археологические находки в различных местах Азербайджана, преимущественно в низменых частях, по долинам Куры и Аракса и нижних частей их притоков, показывают, что около 1800 лет тому назад, т. е. в I—III веках нашей эры, здесь селилась народность, употребляющая при погребении покойников вместо гробов глиняные кувшины.

Однако, случаи обнаружения подобных погребений до последнего времени не давали возможности более точно выяснить ни употребляющийся обряд погребения, ни ту обстановку, в какой жила эта, пока загадочная, народность.

Но вот близ села Мингечаур, где проектируется постройка грандиозной плотины и развернулись предварительные земляные работы в траншеях и шахтах, было обнаружено довольно много кувшинных погребений. По получении об этом сообщения, Азербайджанский филиал Академии наук командировал меня (автор заметки некий Е. Пахомов—„ученый специалист АзФАН") для их осмотра.

После двухдневного обследования местности, где оказались расположенными три древних городища, мне удалось найти на правом берегу Куры целое кладбище кувшинных погребений, давшее при пробных раскопках чрезвычайно интересные результаты.

Как выяснилось, покойники одетые с большим количеством украшений, просовывались через горло большого, свыше метра вышиной, кувшина, укладывались в нем с подогнутыми ногами и туда же, в кувшин, ставились несколько различной формы сосудов, возможно с пищей и питьем. После этого, отверстие кувшина закрывалось большим камнем или обломком того же кувшина и последний в лежачем положении засыпался землей. Есть основание думать, что так хоронили только, или преимущественно, женщин; мужчин же закапывали в землю без кувшинного гроба.

Найденная в мингечаурских погребениях посуда своей формой и техникой выделки указывает на связь между древними мингечаурцами и тогдашними обитателями Шемахинского и Варташенского районов. Украшения оказались состоящими из бронзовых браслетов не только на руках, но и на ногах, колец, серег и массы чрезвычайно разнообразных и очень красивых бус из сердолика, узорчатого стекла, пасты, литой серы и др. материалов. Найдены мелкие предметы и из железа.

Особенно интересным оказалось погребение девочки-подростка: на ней были, повидимому, красные башмаки и такой же пояс, матерчатые шаровары, схваченные у щиколоток бронзовымн браслетами, по два на каждой ноге. Поверх шаровар юбка, а выше талии кофта; сохранились следы чего-то вроде кружевного плетения. На руках — опять браслеты и вязки бус, много их и на шее. Вместе с обычной посудой в это погребение были положены глиняные миниатюрные модели чашечек и блюдечек, повидимому, детских игрушек.

Находка остатков материи обнаруживается впервые в азербайджанской археологии. Микроскопическое исследование их установит, сеяли ли уже тогда в Азербайджане хлопок и употреблялась ли для ткани шерсть или иные волокнистые вещества, как конопля, лен и т. п.

Летом 1937 года АзФАН готовится провести дальнейшее обследование Мингечаурского могильника".

В этой заметке интересно сообщение о том, что на скелете девочки-подростка сохранились остатки шаровар. Штаны в древности, как известно, носились и мужчинами и женщинами народов скифо-сарматской культуры, населявших Северный Кавказ и все северное Причерноморье. Остатки этих народов составляют ныне северокавказскую нацию. Признак этот отличал скифо-сарматов от народов Южного Кавказа и Передней Азии, как равно и от древних греков и других народов тогдашней Европы, штанов не носивших.

Характер мингечаурских погребений подтверждает сообщение Страбона о том, что древнюю Албанию и главный Кавказский хребет занимало воинственное население, „в образе жизни сходное с скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве и в родстве".

ОБНАРУЖЕНИЕ СТАРИННЫХ ДОКУМЕНТОВ

„Бак. раб." (6-III-1937) сообщает:

„В селении Гедедзехор Гильского района найден исторический документ, написанный 84 года назад — рукопись на азербайджанском языке, относящаяся к Шамилю.

Рукопись написана наибом Хадринского участка и содержит русофильскую прокламацию против Шамиля. Автор прокламации упрекает приверженцев Шамиля в том, что они следуют за Шамилем, являющимся „незаконным" правителем Дагестана, так как он „не происходит от царей и не из рода Пророка".

Прокламация скреплена подписью на русском языке „заседатель Гласевич" и казенной печатью.

При внимательном изучении документа, на нем был обнаружен второй текст, который полемизирует с текстом прокламации. Второй текст, повидимому, является припиской тех, к кому была адресована прокламация и является, как бы, ответом наибу. Написан он в стиле известного ответа запорожцев турецкому султану.

Подлинник документа доставлен в Баку. Фото-копия и описание находки войдут в один из ближайших выпусков „Известий Азербайджанского филиала Академии наук СССР".

* * *

„Даг. правда" (30-III-1937) пишет:

„Археологическая экспедиция Академии наук под руководством В. Забирова, побывавшая в прошлом году в низовьях Волги и на северном побережьи Каспия, собрала около 200 древних рукописных книг на арабском, иранском, турецком и древне-татарском языках, представляющих большой научный интерес.

Содержание книг весьма разнообразно: история отдельных стран Ближнего Востока, древняя медицина, математика, родословное дерево султанов и ханов. Особую ценность представляет книга по математике на турецком языке, относящаяся к 1542 году, и рукопись на арабском языке по логике, написанная в 1585 году. Интересны также и два тома рукописного латино-татарского словаря, составленные в XVIII столетии миссионерами католической церкви. Переплеты большинства книг, сделанные из старой бумаги, склеены в несколько слоев.

На одном из кладбищ Астрахани обнаружена рукописная книга „Канитуль-Муния", написанная более 1100 лет тому назад. Автор ее — Абдуррата-Мухтарибке Махмуд. Рукопись является сборником законов Ислама и рассказывает о торговых взаимоотношениях, существовавших тогда у восточных народов.

Кроме того найдены до 700 печатных книг, представляющих большую библиографическую редкость. Среди них — сочинение известного арабското путешественника Ибн-Батута (1304—1378 г.), в свое время посетившего Дагестан".

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— В районе горы Горской (центральная часть хребта Арык или, иначе, Терского хребта) ударил в начале февраля мощный нефтяной фонтан, дающий в сутки свыше 400 тонн нефти. Скважина бесперебойно фонтанировала еще в 20-тых числах февраля.

— В Караногайских степях в январе и феврале т. г. наблюдался массовый падеж скота из-за недостатка корма. На зиму сюда пригоняется скот из нагорных скотоводческих районов Северного Кавказа и из казбекского района в Грузии.

— Азербайджанским институтом языка и литературы АзФАН приобретена в Баку ценнейшая иллюстрированная рукописная книга—перевод на азербайджанекий язык известного сборника древнеиндийских басен „Калила и Димна" брамина Бидпай. Книга написана 135 лет тому назад рукой Аваз Али—сына Сафи Кули Ахтачи Муганского, проживающего в Ширване (Шемахе). Перевод относится к гораздо более раннему сроку. Автор перевода не установлен. Рукопись иллюстрирована оригинальными рисунками в красках, носящими ярко выраженный характер народного азербайджанского творчества. Десятки иллюстраций изображают персонажей басен индийского брамина Бидпай—людей и животных.

— В Микоян-Шахаре (центр Карачаевской авт. области) заканчивается постройка аэродрома. На аэродроме будут находится ангар и бензинохранилище. По окончанию постройки, между Микоян-Шахаром и Псыхуабе будет открыта новая воздушная линия, которую будет обслуживать два аэроплана типа „У—2".

— „Даг. Пр." пишет: В 1936 году ковровыми артелями Дагестана было выработано 15.110 квадратных метров ковров, 380 квадратных метров сумаха и 5.540 квадратных метров дорожек. На экспорт в прошлом году было выработано разных ковров, дорожек и т. д. 4.313 квадратных метров. В этом году артели Дагестана должны выработать ковров и сумах 22 тысячи квадратных метров, дорожек — 10 тыс. квадратных метров".

— В марте в Псыхуабе состоялись состязания по национальной (северо-кавказской) борьбе. Первое место заняли борцы Карачая, второе—Кабардино-Балкарии, третье—Северной Осетии. Индивидуально в легчайшем весе победил Камиев (Чеч.-Ингушск. авт. респ.), в легком, полусреднем, сред-

нем и полутяжелом победили карачаевцы: Барлзков, Биджиев, Чомаев и Эртуев, в тяжелом—Наков (Сев.-Осет. авт. респ.).

— В 1935 г. на промыслах треста „Грознефть“ добыто 3288984 тонн нефти. Наибольшую добычу дали Октябрьские (б. Новогрозненские) промысла—1680780 тонн, затем Малгобекские — 1243224 тонны, Старогрозненские — 333822 тонны, Избербашские (в Дагестаие)—12129 тонн и т. д.

Idaremize gelen eserler — Книги, полученные редакцией

— **Annali** del R. Instituto Superiore Orientale di Napoli. Vol. VIII, Fasc. III—IV. 1936.

— **„Die Welt des Islams“**. — Zeitschrift für die Entwicklungsgeschichte des Islams besonders in der Gegenwart. Herausgegeben von Prof. Dr. G. Jäschke. Band 18, S. 148. Berlin 1936.

— **Baron Woldemar von Üxküll**, Dichter der Bergvölker des Kaukasus—von Georg-Gappo Baiew. Sonderabdruck aus den Mitteilungen der Ausland-Hochschule an der Universität Berlin. Berlin 1936.

— **The Nagoya Muslim Mosque**. A Souvenir Booklet, issued in commemoration of the opening ceremony of the Nagoya Muslim Mosque. January 1937.

— **Revue de Turcologie**. Fondée à Paris par Riza Nour; Tome II, livre 2. Aleksandrie (Egypte) 1936. Книга эта, имеющая свыше 700 страниц, всецело посвящена великому турецкому поэту и идеологу Намик Кемалю.

— **Теория и практика большевизма**. Речь министра д-ра Геббельса на Конгрессе Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии в г. Нюрнберге (Сентябрь 1936 г.).

— **Речь Адольфа Гитлера** на заседании Рейхстага 30-го января 1937 года.

— Saniye İffet — **„Turmuş güzgüzü“**. Dram 4 perdede. Basdurucu: Finlandiya Türkleri Birligi. Helsinki 1937.

ОПЕЧАТКИ

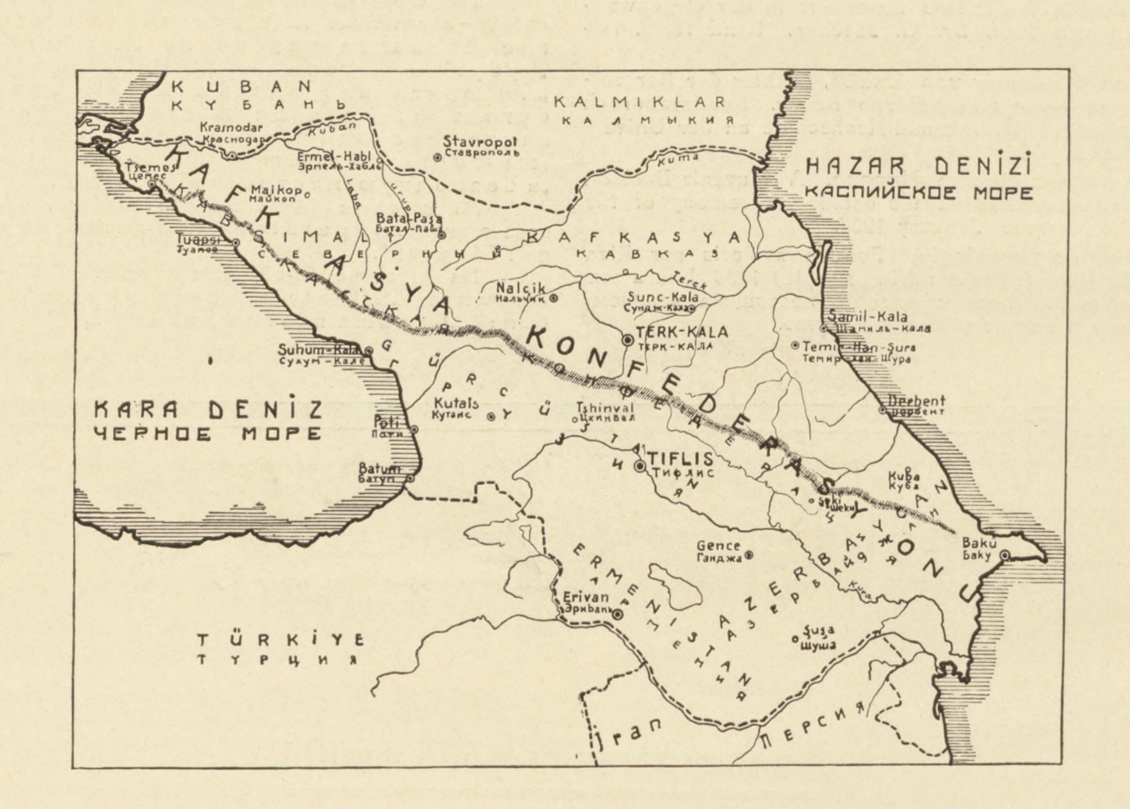
В прошлом номере нашего журнала допущены следующие опечатки:

На странице 14-ой, правый столбец, 7-ая строка сверху—напечатано: „...свое умнение об осетинах“... должно же быть: „..свое мнение об осетинах“...

На странице 15-ой, правый столбец, 37—39 строки сверху—напечатано: „...(в оригинале и здесь, и там, где Чонкадзе переводит „пустыня“, сказано „bydyr“ — „степь“ — Б. Б.)“... должно же быть: „...(в оригинале здесь сказано: „ænæ don bydyrmæ“ = „в безводную степь“, а там, где Чонкадзе переводит „в безводное место“, сказано: „ænæ don bæstæm“ = „в безводную страну“, „в безводную местность“ — Б. Б.)“..

На странице 16-ой, правый столбец, 17-ая строка—напечатано: „...angurštеuæn“... должно же быть: „...ængurštеuæn“.

На странице 21-ой, левый столбец, 28—29 строки—напечатано: „...Польша всего найдет“... должно же быть: „...Польша всегда найдет“...

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Włodarzewska 26 m. 6a, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала

Zakł. Gr. P. Szwede Warecka 8.